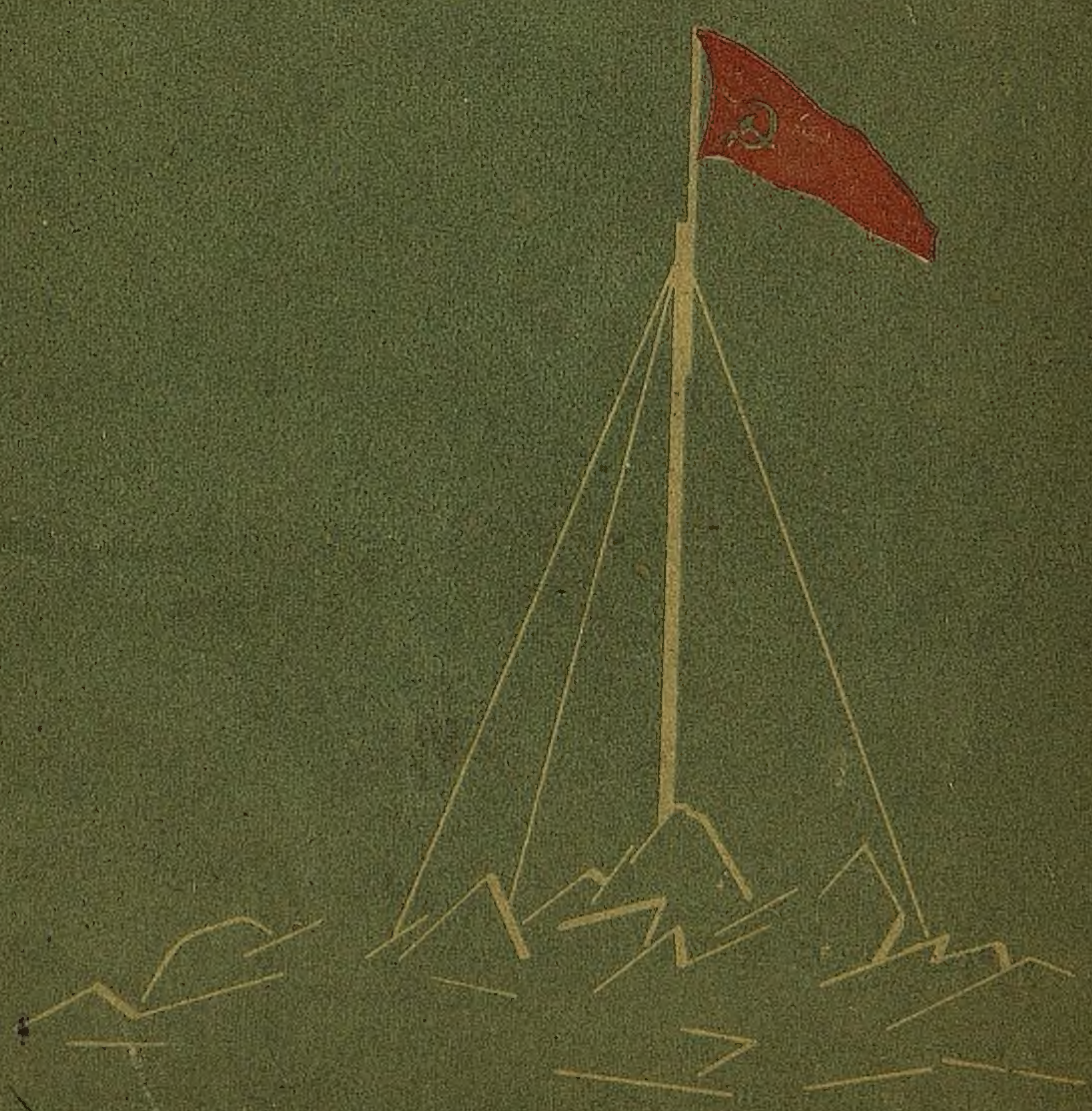
Ледовый лагерь

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ * 1936

ЛЕДОВЫЙ ЛАГЕРЬ

РАССКАЗЫ ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

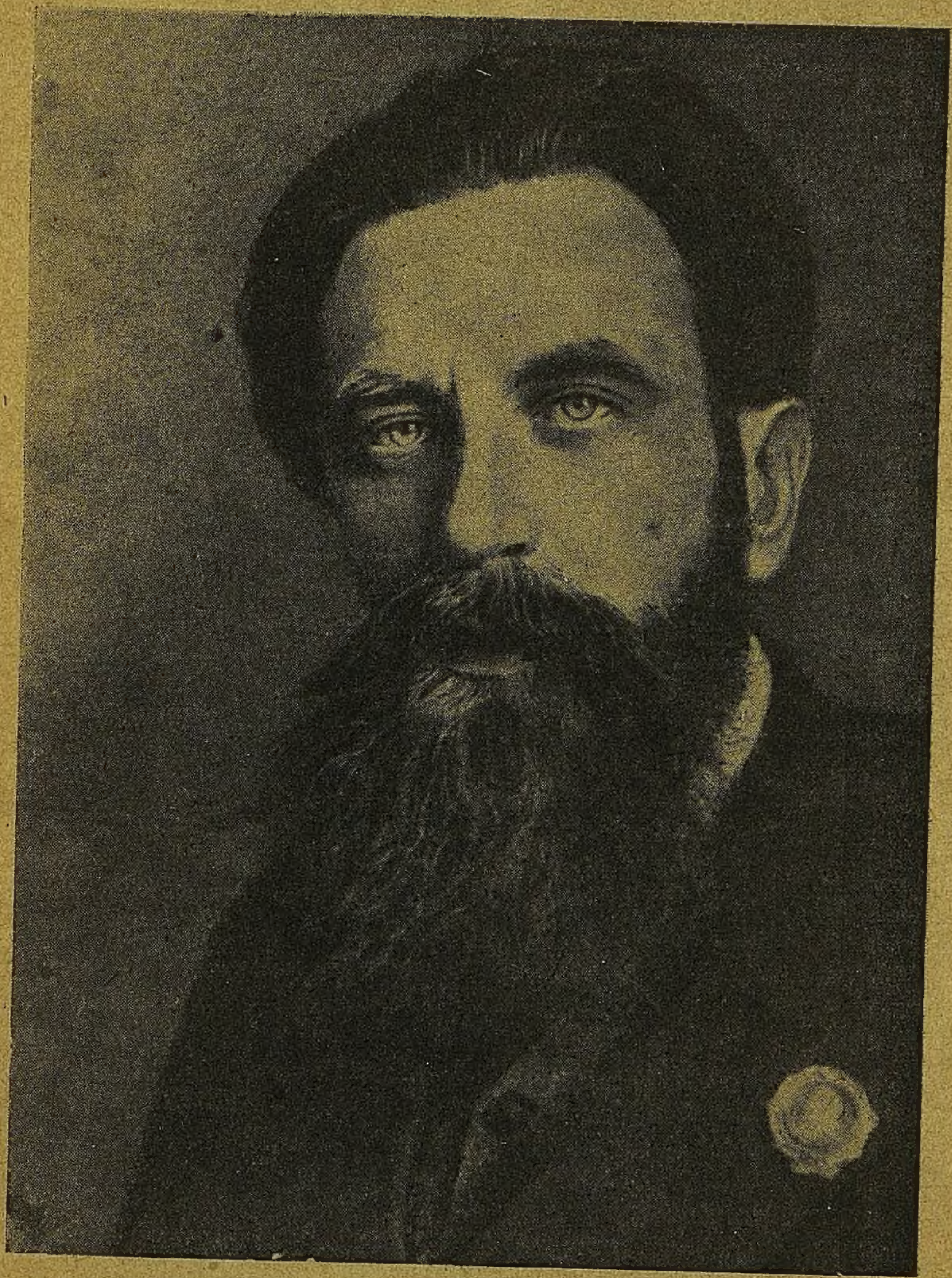
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ★ 1936

Драматическая гибель «Челюскина», славная жизнь челюскинцев на льдине, героические образы начальника экспедиции Отто Юльевича Шмидта и отважных героев-летчиков—все это не перестает волновать и интересовать наших ребят.

Рассказы о челюскинцах—самые любимые рассказы у костра.

Настоящий сборник и рассчитан в помощь вожатым для чтения в лагере у костра, на сборах и т. п.

В сборник включен, наряду с беседой, проведенной О. Ю. Шмидтом с киевскими пионерами, ряд очерков и воспоминаний челюскинцев, напечатанных в сборниках «Поход «Челюскина», изданных «Правдой».

ОТТО ЮЛЬЕВИЧ ШМИДТ

БЕСЕДА О. Ю. ШМИДТА С ПИОНЕРАМИ

*Дорогие ребята! Друзья!**

Вы, как я вижу, любите дело завоевания севера, вы знаете его. Среди вас, вероятно, нет никого, кто не знал бы хорошо географию севера, историю исследования севера. Ну, что же сказать? Дело это действительно хорошее (по крайней мере, так мне кажется). Это одна из самых красивых, радостных и интересных отраслей человеческой деятельности.

Мы едем на север, чтобы там в особенно трудных условиях выполнять общее дело всей партии и советской власти. Мы едем на север не для того, чтобы искать там приключений, не для того, чтобы ставить мировые рекорды,—мы едем на север, чтобы там проводить советскую и партийную работу, чтобы изучить север, чтобы поставить там хозяйство, укрепить связь севера с Советским союзом, с тем чтобы север был не пустыней, а частью Советского союза, культурной, богатой, как и весь Советский союз.

Дело это нелегкое.

* Беседа О. Ю. Шмидта с пионерами Киева во Дворце пионеров 30 декабря 1934 г.

Много было славных полярных путешественников, которые шли на север. Вы все, вероятно, знаете Нансена, Амундсена, Пири и многих других путешественников на северный и южный полюсы, в полярные моря. Но надо отметить, товарищи, что путешествия этих замечательных ученых и спортсменов проходили в одиночку. То отправится одна экспедиция, то другая экспедиция пойдет через какой-нибудь десяток лет. И кончено. Настоящей научной работы не было. А научная работа, как и учеба, требует, чтобы она велась систематически, из года в год, непрерывно в течение долгого ряда лет.

Поэтому хотя Амундсен замечательный, смелый человек, а Нансен замечательный ученый, но результаты их экспедиций были не так велики, как можно было ожидать от этих замечательных людей. Это было потому, что они работали разрозненно. Это было потому, что при капиталистическом строе не может быть коллективной работы над большой целью. Ведь были случаи, когда отдельные полярные экспедиции организовывали на деньги газеты, которые были заинтересованы в том, чтобы печатать разные эффектные приключения. При такой системе конечно ничего серьезного сделать нельзя было.

При советской власти—другое дело. Ни одно государство в мире не дает столько денег, столько средств на науку, как дает советская власть. При советской власти, вместо того чтобы один раз в тридцать лет отправлять отдельные экспедиции, мы могли заниматься этим делом каждый год, закреплять наши успехи и изучать Арктику как следует. Особенно наша работа развилась с 1929 года, когда начал действовать великий план первой пятилетки. В это время и мне пришлось по указанию партии заниматься арктическими делами. В 1929 году я отправился на ледоколе «Седов» на Землю Франца-Иосифа.

Если вы помните географическую карту, то знаете, что Земля Франца-Иосифа является самой северной группой островов. И вот мы отправились туда на ледоколе

через лед. Было довольно трудно плыть. Наконец мы доплыли туда и подняли там советский флаг, объявили по радио, что Земля Франца-Иосифа—наша земля, организовали первое поселение и поставили научную полярную станцию, оставив там семь человек, а сами ушли на ледоколе.

Эти семь человек остались на Земле Франца-Иосифа и зимовали там.

Остались один радист, механик, врач, два метеоролога, повар и служитель.

Они остались в самом северном в мире поселении, на самой северной полярной станции.

Легко ли там работать им было?

Нет, конечно. Домик полярной станции зимой заносится снегом настолько, что снег покрывает домик даже до крыши, а двери каждый день приходится раскапывать, чтобы притти к приборам наблюдать погоду. Зима там суровая. На Земле Франца-Иосифа более четырех месяцев полярная ночь. Все это время приходилось жить при искусственном свете. Но жизнь там довольно разнообразная. Разнообразие там главным образом вносят белые медведи. В первую зимовку эти семь человек убили восемнадцать медведей, причем одного убили у себя на дому. Вышел метеоролог, захотел пойти к приборам, а белый медведь, видно, давно караулил, чувствуя вкусные запахи, и, как только двери открылись, он вошел в коридор. Там его убили выстрелом из нагана в ухо.

Другое развлечение, огромное развлечение, вносит радио. Особенно интересуются зимовщики сведениями с «большой земли», как они говорят, т. е. из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова. За последние годы мы наладили регулярные радиопереклички с Москвой и Ленинградом. Мы сообщали им всякие общие политические новости, новости о нашей северной работе, мы давали им возможность переговариваться со своими родными. И вот, представьте себе, как радуется какой-нибудь седой папаша там, на севере, сидя у радиоаппарата и слыша из далекой Москвы или Ленинграда дет-

ский писклявый голосок: «Папочка, а ты привезешь белого медведя?» Конечно это большая радость,— я знаю, это по опыту.

Зимуя там, больше всего интересуешься тем, что делается на «большой земле», как успехи советского строительства, чего мы добились и т. д. Ну, и конечно вспоминаешь своих родных и друзей, у каждого из нас есть родной дом.

Таких полярных станций за последние шесть лет мы построили тридцать девять в разных местах севера. Мы охватили ими весь Ледовитый океан. В этих полярных станциях зимуют ученые, которые дают сведения о погоде на севере, которые следят за движением льдов, ищут полезные ископаемые. Там есть ученые зоологи, которые изучают морских зверей—моржей, тюленей, также медведей, песцов, изучают повадки зверя, изучают, как он передвигается, где и когда его удобнее стрелять, получать пушнину, жир, мясо.

Должен сказать, что мясо этих животных вкусно, только у нас еще не привыкли его есть. Особенно вкусно мясо белых медведей. Мясо тюленей черное или темнокрасное, но на вкус тоже неплохое. Я помню, однажды мы с товарищами ехали на лодке. Ничего у нас с собою не было. Я убил тюленя. Вышли мы на лед,—кстати ко льду прибило какое-то бревно,—и я этого тюленя изжарил на костре. Жарил я шашлык. Ничего вышло. Я ел, да вот товарищи мои отказались. Думаю, что не тюлень виноват, а то, что я жарить не умею По существу же это неплохое мясо.

Некоторые наши станции за эти годы широко развились.

На Земле Франца-Иосифа теперь зимуют двадцать восемь человек. Построен ангар, и в нем два самолета стоят. Мы туда закинули самолеты на постоянную работу. Самолеты подымаются над островами с учеными, которые определяют температуру, направление ветра на разной высоте, высматривают, где идет стадо моржей. Моржи редко ходят в одиночку, обычно они идут

большими стадами, а от времени до времени вылезают на льдины. А на льдину моржу вылезть не так-то легко. Морж—это громадный зверь, пудов шестидесяти веса; чтобы забраться на льдину, он откидывает голову назад и двумя своими огромными клыками упирается в льдину, взлезает на нее, а затем долго барахтается, пока тяжелое тело вытащит наверх. Вот, люди с аэроплана и помогают выяснить, где идут стада этих моржей.

Радиоустановка такой полярной станции дает сведения о проходящем льде. Плавая на каком-нибудь судне, мы запрашиваем станцию: какой лед, можно ли пройти, как он движется, в какую сторону. Станция сообщает нам, можно ли перебраться через лед. Эти станции—огромная помощь для северных моряков и конечно для наших летчиков. Не зная, какая погода—пурга, туман ли,—летчик не может вылететь на север. Наши станции дают сведения летчикам.

Опираясь на наши станции, мы могли много ледоколов и пароходов отправить в Арктику. Одни из них составляли точную карту севера, проверяли глубины, изучали научные явления. Другие пароходы шли за ледоколами с грузом на Обь, на Енисей или, наоборот, отправлялись оттуда, вывозя ценный сибирский лес. Чтобы мог пройти такой пароход, впереди должен быть послан ледокол, с тем чтобы разбивать лед. Ледоколы наши широкие; проходя по льду, они оставляют широкий канал, и судно, которое уже идет позади ледокола, легко может пройти по этому каналу, не задевая льда.

В этих плаваниях у нас создались прекрасные кадры замечательных моряков, которые дело свое знают чудесно, которые чувствуют лед, в особенности северные моряки из Архангельска, из Мурманска, моряки, деды и отцы которых плавали на море. К числу таких моряков принадлежит капитан Воронин, с которым мы плавали на «Челюскине». Он с малых лет плавал по морю. Став старше, он был матросом, был штурманом и наконец сделался капитаном. Он знает лед,

знает северную погоду, знает бесчисленное количество всяких поговорок про погоду, которые складывались дедами и прадедами нынешних моряков, например: «Если солнце красно с вечера, моряку бояться нечего; солнце красное поутру, моряку не по нутру». Такие моряки великолепно знают море и изумительно умеют плавать. Есть много и молодежи среди моряков. Каждый год молодежь, комсомольцы отправляются на север для изучения морского дела, привыкают к нему. Есть среди них замечательные, сильные, отважные люди, но есть и такие, которые на первых порах не привыкают к северу, не умеют ориентироваться.

Помню, у меня был забавный случай с одним молодым матросом Терентьевым. Однажды ночью я решил осмотреть еще раз полярную станцию, которую мы построили в одной точке севера. А ночь там летом совсем светлая, как днем. Я решил еще раз поехать на станцию—осмотреть, все ли в порядке, с тем чтобы утром уйти на пароходе. Позвал я вахтенного матроса, приказал спустить шлюпку, и мы вдвоем с Терентьевым отправились на маленькой шлюпке по прозванию «Тузик».

Вдруг на нас налетела льдина, и «Тузик» перевернулся. Вода ледяная, нельзя сказать, чтобы тепло было, но все же в воде не так холодно, как в тот момент, когда вылезаешь на льдину. Смотрю, где мой матрос делся? Вижу, Терентьев что есть силы плывет от меня. Я подплыл к льдине и начал взлезать на нее. Между прочим, страшно трудно взлезть на льдину. Я был в меховом полушубке, в тяжелых болотных сапогах, и весу у меня—пять с половиной пудов. Всю эту массу нужно было вытащить на льдину. Оборвал я себе ногти, пока вылез на льдину. Думаю—что делать?

Но в это время вижу, что на пароходе, который был недалеко от нас, звонят тревогу, спускают большую шлюпку. Приехали матросы на мою льдину, сняли меня, сняли Терентьева, привезли к пароходу.

Я так обмерз, что уже не мог влезть сам по трапу, и меня на крючке за воротник подняли. Мне дали

горячего чая, и все обошлось хорошо, потому что воздух там чистый, нет бактерий, даже насморка нельзя схватить. Единственно, что страшно,—это замерзнуть. Ну, а матрос Терентьев пришел в матросский кубрик и говорит: «Братцы! Погибать мне, видно, приходится. Расстреляют меня: комиссара, скажут, потопил».— «А отчего же ты не спасал его?»—«Боялся я, что он плавать не умеет и меня потопит».

Ну, ничего! Потом мы с ним подружились, и он уже не боялся меня.

Так у нас понемногу вырастают северные кадры радистов, авиаторов, моряков, которые север любят и знают. Поработали мы так не год и не два и наконец решили попытаться пройти через весь Ледовитый океан Северным морским путем, т. е. пройти из европейской части нашего Союза—от Архангельска и Мурманска—до Тихого океана, до Камчатки, Владивостока.

Были случаи и раньше, когда экспедиции проходили через весь Ледовитый океан. Вы помните шведа Норденшельда, норвежца Амундсена и русского Вилькицкого (это было до революции). Причем все эти три раза, когда исследователи проплывали Ледовитый океан, они не могли проплыть за одно лето, а оставались зимовать и только на следующий год, иногда через два года, выходили в Тихий океан.

Ясно, что плавать с зимовкой пользы мало. Нельзя перевозить грузы с Запада на Восток в течение двух-трех лет. Мы поставили перед собой задачу—показать, что Ледовитый океан можно проплыть за одно лето самым обыкновенным образом. Мало что тяжело. Льды мы научились преодолевать.

С этим предложением мы и выступили в 1932 году и 27 июня на ледоколе «Сибиряков» вышли из Архангельска в Ледовитый океан. Тогда мы прошли весь Северный морской путь без зимовки. Это открыло совсем новую эпоху в развитии севера.

Вы карту видели, видели Северный морской путь. Еще нагляднее видно, если взять глобус и посмотреть. Вы можете убедиться, что путь из Архангельска во

Владивосток через Ледовитый океан гораздо короче, чем, скажем, из Одессы во Владивосток через Суэцкий канал и т. д. Правда, северный путь тяжел, потому что там льды, но он кроме того, что короче, идет вдоль наших берегов, мимо сибирских рек—Лены, Оби и Енисея, где можно наладить хозяйство, развить торговлю и внедрить культуру среди тех отсталых народностей, которые населяют северные окраины нашего Советского союза.

Окраины эти имеют много богатств. Беда только, что к этим окраинам нет хороших путей транспорта. Железных дорог нет.

Проложить путь в тундрах трудно. Подъехать к этим окраинам можно только Ледовитым океаном. Океан же этот, еще мало изученный, покрыт льдинами, несудоходный.

Но мы хотим изучить Северный ледовитый океан и сделать его судоходным. В 1932 году на «Сибирякове» этот путь был нами впервые проделан. В 1933 году мы решили его повторить на корабле «Челюскин», историю которого вы хорошо знаете.

«Челюскин»—не ледокол, а грузовой пароход. Ледоколы не могут взять с собой большого груза, сырья и товаров, так как они сами очень тяжелые. К тому же им нужно очень много угля. А нам как раз важно грузы возить по морю. Поэтому выбрали грузовой пароход «Челюскин», очень крепкий, близкий к ледокольному типу пароход. Обошли мы на нем Норвегию, мимо берегов Дании, пришли в Мурманск и окончательно 10 августа вышли в ледовый поход.

Мы имели в виду, что «Челюскин» пройдет через легкий и средний лед, а если будет лед очень тяжелый, тогда нам должен был помочь ледокол «Красин», который был тогда в Ледовитом океане. Мы условились, что «Красина» вызовем, когда нужно будет.

Первая часть пути была еще не очень трудная, но потом дело пошло хуже. Под конец пути, когда осталась, может быть, двадцатая часть от всего пути, был очень тяжелый лед. Но «Красина» мы не могли вы-

звать потому, что у него сломался вал, он пошел на ремонт и к нам не мог притти. Пришлось двигаться самим.

Мы продвигались, с трудом проталкивая льдины, мы разрывали лед вокруг корабля, чтобы дать ему возможность дальше двигаться. И так мы продвигались. Так прошел весь сентябрь и октябрь. Зимой только мы добрались до Берингова пролива.

Была зима. Тихий океан в это время закрыт на севере льдом; выбраться так и не удалось. Подул южный ветер и выбросил нас на север, вместе со льдом, обратно в Ледовитый океан. Там мы кружили вместе со льдиной; пришлось зимовать в дрейфующем льду, пока 13 февраля наш корабль не раздавило.

Зимовка среди дрейфующего льда вещь нелегкая. Каждый день мы не могли знать, что будет, может быть лед разрушит корабль, когда ветер будет нажимный...

Мы сложили на палубе двухмесячный запас провианта, одежду. Мы заранее, еще до катастрофы, распределили, на всякий случай, людей по бригадам — того в бригаду по спасению продовольствия, того — по спасению радиоимущества, одежды и т. д. А главное — мы готовили людей, мы их сплачивали, воспитывали. Люди не только работали, но и учились. Учить же было кому. Так много было у нас разных ученых, что мы могли устроить пловучий университет.

Были у нас плотники, печники, которые на корабле не только ликвидировали неграмотность, но и прошли приведение дробей к одному знаменателю. А наш машинист выучился на механика, а механик на инженера. Все занимались учебой. Кроме того надо было организовать жизнь, чтобы не так уж скучно было. Были среди нас люди веселые, плясуны хорошие, был шумовой оркестр, пьесы разные представляли и шутки разные шутили. Вы, вероятно, читали книгу про «Челюскина». (Из зала: «Читали! Читали!») Помните рисунки Феди Решетникова, разные его веселые про-

делки? Ну, так вот, одну могу рассказать для примера.

Были в нашей экспедиции два ученых зоолога, но, на наше несчастье, животных мы не встретили, ибо зазимовали в таком месте, что ни морж, ни тюлень не могут пробиться через лед на поверхность. И медведей не было, были только песцы. Вот и решил наш художник Решетников, что нужно помочь науке. Приходит он и говорит профессору Стаханову: «Кажется, я медвежий след нашел» и показывает рисунок отпечатка. «Нет,—говорит профессор,—это не медвежий след, медведя след не такой». И стал обстоятельно ему разъяснять, нарисовав ему даже контуры медвежьего следа. Художник Федя пришел к себе и смастерил себе по рисунку профессора в точности такие башмаки, как лапа медведя. Ночью осторожно сошел на лед, осторожно походил вокруг и пошел наверх. На следующее утро ко мне врываются и будят: «Медведь! Медведь!» Засуетились все. Кто чистит винтовку, бегают, кричат. Оба ученые переполошились, кричат, чтобы следов не трогать, и изучают следы медведя. А потом между двумя профессорами произошел большой спор: один говорит, что медведь—самец, другой—что самка. Тут уж Федя Решетников решил рассказать о своей проделке.

Так продолжалась зимовка.

Когда появилось солнышко, стало как-то веселее, но опасности стало больше.

Дело шло к весне, и хотя мороз был еще около сорока градусов, но однако ветер уже другой подул, с метелью, ветер может лед разломать и корабль раздавить. Тревожно проходили дни и ночи.

Но мы не унывали. Пользуясь тем, что тогда было светло, мы устроили стрелковый кружок, много стреляли, много на лыжах ходили, старались заниматься физкультурой.

Но вот в ночь на 13 февраля в очередной раз лед сдавил корабль.

Утро, поднялась пурга, метель, не видно почти ни-

чего. Вдруг слышим треск. Льдины налезают одна на другую и в два-три этажа идут на корабль. Около двух часов дня, когда солнце заходило (день там короток), мощным напором льда был раздавлен левый борт корабля от носа до кормы, т. е. две трети корабля было раздавлено. Лед лез в корабль. Лед порвал трубопроводы, разбил котел, ничего нельзя было сделать. Корабль постепенно наполнялся водой, нос опускался в воду, корма подымалась вверх.

Поняли мы, что корабль уже идет на дно. Мы бросились выгружать то, что мы наметили раньше. Работали как только могли, потому что точно не знали, когда корабль потонет.

Оказалось, что корабль продержался 2 часа 10 минут, и мы все успели выгрузить. Мы всех товарищей отправили на лед оттаскивать выгруженное. На корабле остался командный состав. Нос корабля погружался все ниже и ниже, так что даже капитанский мостик был залит водой. И вот вода полилась на корму, на палубу, где находились мы. Для нас стало ясным, что, если мы хотим остаться в живых, мы должны сейчас же прыгать на лед оттуда, где кто стоял.

Капитан, завхоз Могилевич и я остались последними на корабле. Мы подошли к борту, чтобы прыгнуть. В это время корма быстро поднялась вверх и на нас покатились бревна, бочки и всякие вещи. Я и капитан Воронин прыгнули с корабля, а завхоз Могилевич не прыгнул—не знаю почему.

Он остался, постоял, и эти секунды его погубили.

Мы кричали: «Борис, прыгай, прыгай!» Он улыбнулся, не знаю зачем, перебежал с кормы в другое место (очевидно, с тем чтобы оттуда прыгнуть), но в это время на него навалились бревна так, что он выбраться не мог, и на наших глазах товарищ Могилевич погиб. Корабль долго держался, но, когда трюм наполнился водой, он моментально пошел ко дну. Мы ничем Могилевичу помочь не могли.

Забрали мы людей, поставили палатки, раздали спальные мешки, и началась наша жизнь в лагере.

Мы знали, что советское правительство нас не забудет. Мы знали, что оно не забудет людей, которых посылало выполнять трудную задачу. Мы знали, что к нам идут самолеты, но мы не знали, когда они придут. Ведь самолетам там летать трудно, не каждый день бывает ясная погода. Значит, нам нужно было устроиться на льдинах хорошо, значит, надо было там расчищать на льдинах среди торосов аэродромы. Мы и старались устроить жизнь как можно лучше.

Мы объявили конкурс на лучшую палатку, чтобы в палатке было чисто, просторно. Мы настлали полы в наших палатках. Запасными одеялами обили стены, поставили в палатках печи. Наши изобретатели так наладили печи, что их можно было топить жидким топливом, смесью нефти и бензина. Наладили освещение, проделали окна.

Особенно мы гордились кухней, которую построили отдельно. Кухня готовила пищу для всех палаток. Дежурный по палатке шел в кухню и забирал обед для своей палатки. Затем все садились вокруг стола и кушали из одной миски.

Так было в первые дни. Но нам это показалось некультурным, и решили мы, чтобы каждый имел свою посуду. Посуды было мало, нехватало. Но у нас были ящики со спичками, обитые цинком. Сделали мы из цинка миски, тарелки. Но палатки были маленькие, столов негде было ставить. Что же мы придумали? Мы устроили подъемные столы, т. е. во время обеда с потолка опускались доски, на них обедали, а затем доски снова подымались.

Нужно сказать, что мы достигли довольно высокого культурного уровня. Беда только, что некоторые товарищи не любили умываться, как, например, наш фотограф. Но тут мы были строги и обязательно требовали, чтобы умывались. Если не было теплой воды, нужно было снегом мыться. Мы особенно следили за гигиеной.

В первые же дни мы расчистили аэродром. Но вот

двинулись ледяные горы и раздавили наш аэродром. Пошел лед трещинами, снова нужно расчищать.

Много, много у нас было работы. Построили мы большой барак, а его тоже разломило льдом пополам. Кухню, которой мы так гордились, в которой была печь, котел, водогрейка, баня, тоже раздавило льдинами. Лед все время нас держал в тревоге. Не раз бывало, что тот или иной товарищ падал в воду, спасая вещи. Прыгает через трещину, не удержится и попадает в воду. Недоволен был кинооператор: никак не удавалось ему этих моментов заснять, не мог же он все время стоять у трещины. И вот, он додумался. Пришел раз ко мне и говорит: «Знаете, товарищ Шмидт, мировой кадр будет! Вы—известный полярник Давайте сделаем так: прыгните в воду, а я вас засниму». Должен сказать, что я все-таки не прыгнул. (Смех.)

Старались мы наладить там и игры: наладили футбол, в городки многие играли. Городки там были нашей любимой игрой.

Ожидая самолеты, готовили для них аэродром и по радио сообщали на берег, какая погода: можно ли лететь. Ожидая самолеты, решили также, что первыми полетят дети и женщины.

Вы спросите, откуда дети и женщины?

А мы ведь везли людей на остров Врангеля, везли на три года, а поэтому многие ехали со своими семьями. Кроме того были женщины—научные работники. Был с нами ребенок Алочка Буйко—полутора лет, и Карина Васильева, которая родилась в Карском море. Эту Карину Васильеву каждый день катали на санках по льду, чтобы она дышала свежим воздухом; держали ее в самом теплом углу. Вот мы и решили, что сначала нужно отправить ребят и женщин, потом мужчин постарше и слабых здоровьем, потом всех остальных и самыми последними должны были быть капитан и начальник.

Все обижались, не хотели ехать первыми, все хотели ехать последними. Но нельзя ведь всех 104 человек

оставить последними. Маленькие дети не протестовали. Они думали, что жизнь на льду—это естественная жизнь, другой жизни они не видели.

5 марта прилетел Ляпидевский со своей огромной машиной. Мы боялись, что ему не удастся спуститься на наш аэродром, но Ляпидевский замечательно сел на наш маленький аэродром. Потом был большой перерыв. Целый месяц длился этот перерыв, пока шли самолеты к нам на помощь.

7 апреля прилетели Слепнев, Каманин, Молоков.

Между тем я тяжело заболел, и пришлось по приказу правительства вывезти меня не последним, а пришлось отправить днем раньше, а на льдине оставались капитан, Бобров, радист и некоторые другие товарищи.

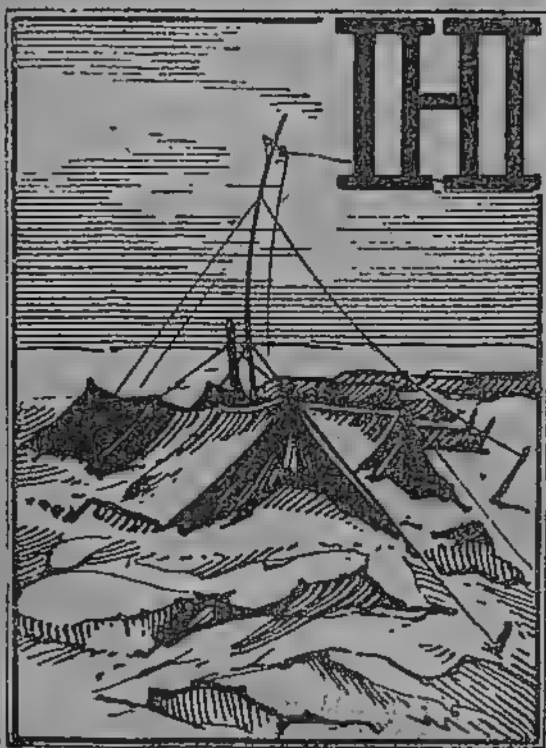
Меня отправили в Америку на лечение. Другие тянулись по чукотскому берегу, затем на пароходе во Владивосток, в Москву. По всему Союзу встречали тепло наших челюскинцев. Люди мы как люди, обыкновенные, но там, на льдине, в тяжелых условиях, мы смогли показать всему свету, что советские граждане не то, что другие. Много было случаев, что гибли экспедиции и люди разбегались кто куда и замерзали или устраивали у себя бунты. Приходилось людей арестовывать, расстреливать, у нас же ничего подобного не было. А летчики наши всему миру показали храбрость советских людей и высоту техники самолетного дела. Может быть, потому эпопею «Челюскина» вспоминают до сих пор и относятся к ней с таким интересом.

А в следующем, 1934 году ледокол «Литке» прошел северный путь уже гладко, без аварий.

В 1935 году опять выедут пароходы. В самом близком будущем овладеем северным путем. Все же остается еще много работы, чтобы изучить все вопросы, которые связаны с его овладением. Из вас еще кое-кто успеет вырасти, чтобы осуществить те великие задачи, которые перед нами ставят партия и советское правительство в завоевании Арктики.

★★★

ИТАК, НА ЛЬДИНЕ

Наступила первая ночь на льду. Около восьми часов работали челюскинцы на тридцатидвухградусном морозе. Все мечтали о том, чтобы укрыться от ветра, отдохнуть.

— Место в палатке есть?

— Есть, залезай.

Так подбираются группы. Я заглядываю в одну из палаток, там человек десять—втиснуться невозможно. Иду к другой палатке:

— Сколько здесь человек?

— Пока я один,—слышится из темноты.

Узнаю по голосу одного из научных сотрудников. Подходят еще трое. Образуется группа из пяти человек: Баевский и Копусов—заместители Шмидта; инженер-физик Факидов, или по-челюскински Фарадей,—молодой ученый, до шестнадцати лет не знавший ни слова по-русски и за последние двенадцать лет овладевший высотами науки; моторист Иванов, он же дядя Саша,—любитель заунывных русских песен; пятая—я.

Надо устраиваться на ночлег. Получили по спальному мешку из собачьих шкур. Зажгли фонарь «лету-

чая мышь». Залезли в мешки, повалились на бугристый ледяной пол, местами покрытый фанерой, и через мгновенье заснули.

Наутро назначают всех на работу. Баевский и Факидов идут на майну вылавливать строительные материалы. Копусов приступает к учету продовольствия.

Вот что нам удалось спасти с «Челюскина»: 60 ящиков мясных консервов, 5 ящиков рыбных, 50 ящиков галет (по 80 пачек в 400 граммов), 2 ящика сыру (по 30 головок), 19 ящиков масла сливочного (по 20 килограммов), 3 шестипудовых бочки топленого масла, полбочки помидоров, 12 мешков сушеного картофеля, 3 мешка рису, 3 мешка сухарей, 3 ящика конфет, ½ ящика какао, некоторое количество шоколада, мешок сушеной моркови, мешок муки, 4 мешка соли, 2 ящика прессованного чаю, 10 ящиков сгущенного молока (по 40 банок), ящик чаю, 8 мешков белой муки и столько же ржаной, 2 мешка сахару, 3 свиные туши по шесть пудов и несколько пудов крупы. Этого количества продуктов хватит минимум на два месяца, а при жесткой экономии—и на три. Установили дневную норму: галет 200 граммов на человека, сахару 30 граммов, на общий обед для 104 человек—25 банок и на ужин 20 банок мясных консервов. Периодически—хотя и не часто—выдаются свежее свиное сало, молоко, какао, рыбные консервы.

Из вещей спасли: малицы и спальные мешки на всех; 12 кожаных тужурок; 7 кожаных брюк; холодные сапоги и валенки по одной паре на всех; 33 пары унтов (выдаем по состоянию здоровья); 23 пары меховых чулок; по три пары белья на каждого; меховые рубашки и брюки для слабых. Свитерами, чулками и рукавицами снабжены все. Шапок, ватников и полупальто достаточно. Спасено 50 матрацев, 67 подушек, 70 одеял.

О посудой дело обстоит так: с камбуза выброшен один котел, много вилок. Но у нас очень мало ложек, нет кастрюль, всего три-четыре чайника. Сковородок нет. Кружек хватает на всех. 10—12 примусов, керо-

синки не все исправны—нет верхних частей. Запасные горелки, насосы, иголки для примусов имеются. Кроме того мы имеем девять камельков. Для шитья есть суровые и катушечные нитки.

Спасено 12 ящиков патронов, 4 ящика пороху, 5 охотничьих ружей, 7 револьверов.

Возвращаюсь к распределению обязанностей между жителями нашей палатки.

Иванов отправляется в «мастерскую ширпотреба» для изготовления необходимых хозяйственных предметов. Меня выбирают старостой палатки и назначают постоянным дневальным. С этого дня веду наше маленькое своеобразное палаточное хозяйство.

В это же утро я разыскала необходимые для обихода предметы: пять кружек, три вилки, две ложки, ведро, примус и пять примусных иголок. В два часа с ведром иду за супом. С подветренной стороны камбуза-костра стоит уже очередь человек в восемь в ожидании раздачи обеда—кто с кастрюлей, кто с ведром, чайником или тазом. Начинается раздача. Без очереди подходят товарищи из палатки, где нехватило общей посуды. Они едят тут же, у костра, помешивая суп вилкой или щепкой.

После обеда получаем на складе малицы. Нашли среди ропаков свои вещевые мешки, добываем пять подушек, матрац. Беремся за усовершенствование палаток. В нескольких местах порванный брезент заткнули простынями, скалываем ледяные бугры пола, покрываем его сплошь фанерой, на которую стелем войлок. Палатка приведена в порядок. Нагреваем ведро снеговой воды, и под открытым небом при свете луны устраивается первое умыванье.

В ведре закипает чай, появляются галеты—каждому достается по нескольку штук,—и располагаемся кружком. Обогревшись чаем, ложимся спать. Но никак не уложиться, всем нехватает места. Четверо ложатся бок о бок, пятый несколько выдвигается из ряда головой в противоположную сторону. Ему холоднее, и он по праву забирает единственный матрац, доставшийся на-

шей палатке. Устроившись на ночлег, мы развязали наши вещевые мешки и вытащили случайно захваченные с парохода книги. Мы—богачи. Наша палаточная библиотека имеет первый том физики Хвольсона, том технической энциклопедии и томик Пушкина.

Баевский, высунув из мешка голову, покрытую меховой шапкой, и одну руку, начинает читать «Медного всадника». Постепенно усталость побеждает. Раздается храп. Чтец с сожалением закрывает книгу и через минуту засыпает сам.

За ночь под напором ветра и снега палатка приникает к земле: брезент почти накрывает всех спящих. Такая же участь постигает еще несколько палаток. Утром часть народа освобождают от общих работ для перестройки палаток.

Мы работаем над устройством своей палатки втроем. Выносим из нее вещи, снимаем брезент. Углубляем и выравниваем площадку. Снова натягиваем брезент, подпираем его посредине стойкой. Сверху покрываем палатку брезентовым пологом. Получаются двойные стенки с воздушной прослойкой. Такая палатка лучше сохраняет тепло. Внутри тоже произведены улучшения: поперек стойки прибита дощечка, на которую вешаем фонарь; над ним можно развесить для просушки рукавицы, шапки, шарфы.

Лагерь начинает жить по расписанию. В 7 часов—побудка, с 8 до 12 работа, затем час перерыва на обед, с 13 до 17—работа, в 17—ужин.

В этот же день пополнилось наше хозяйство. Со склада, называемого кооперативом «Красный ропак», принесли керосину. Из «ширпотреба» достали что-то вроде большой медной кастрюли трехгранной формы и самодельную жестяную сковороду. Консервный ящик, покрытый доской, приспособили для стола-буфета, в нем хранятся дневной паек и посуда, за ним же завтракаем, обедаем, ужинаем.

Обязанности дневального не сложны, но утомительны. Утром встаю в семь часов, разжигаю примус, приношу ведро снега, кипячу чай.

В восемь часов все уходят на работу. Не обходится иной раз утром и без шума. Один ищет рукавицы, другой шапку, у третьего переменили валенок. Начинается перебрасывание мешков, малиц; образуется гора меха. Рукавицы и шапка находятся среди мешков, валенок возвращается владельцу. Все спешно покидают палатку. Дисциплина в лагере очень крепкая, нарушать ее никто не хочет.

Дневальный остается работать в палатке. Несмотря на то, что керосинка горит непрерывно, за ночь свод палатки покрывается слоем снега. Ежедневно соскабливаю ножом этот снег. Ставлю в один угол керосинку, в другой примус; к обеду не только удается просушить брезент, но даже нагреть палатку настолько, что можно сидеть в одном свитере.

Но приходят обедать товарищи, открывают брезентовый полог палатки и выпускают накопленное с таким трудом тепло. За обедом быстро поглощается кружка супа. Немного отдохнув, снова все уходят на работу. Оставшись одна, до ужина занимаюсь починкой меховой одежды и шитьем рукавиц. Недостатка в работе нет—много заказов из соседних палаток.

В пять часов снова очередь у камбуза. Ужинаем не торопясь, расположившись на спальных мешках. Вечера проходят содержательно и интересно. Иногда по очереди рассказываем случаи из своей жизни. Иногда затевается научный спор. Иногда Иванов, пессимист по натуре, взгрустнет о том, что нет долго самолетов, размечтается о твердой земле и выльет свою грусть в жалобной, тягучей песне.

* * *

ПЕРВАЯ РАДИОГРАММА

Сумерки упали на ледяные поля. Пурга.

Начальник объявляет перекличку. Все налицо, за исключением Могилевича, погибшего вместе с «Челюскиным». Дико, чуждо и неуютно нам, потерявшим свой «кров и дом».

Мы на льду, но хныкать и философствовать, созерцая воронки, крутящиеся там, где недавно стоял «Челюскин», не приходится. Для всех имеется дело.

Вспотевшие, мокрые от неистовой работы, люди снова набрасываются на то, что осталось от «Челюскина». Люди не чувствуют ни тридцатиградусного мороза, ни семибалльного ветра. На льду вырастают бастионы из ящиков, бочек, материалов. Начинают сооружать палатки. Мне же предстоит срочно добиться связи с материком.

На три топора огромный спрос, но для радио получаю топор вне всякой очереди.

Радиобригада занята установкой мачт. Уже совсем темно. Нужные вещи раскиданы по льду. Где колышки? Помощников много, но дело движется медленно.

Колья пробивают снег, но, дойдя до льда, не хотят держаться.

Мачта была очень жиденькая и изгибалась, как удочка. Бегающие в сумерках и в пурге, отворачивающие лица от ветра люди налетали на мои оттяжки, выдергивали колышки; с таким трудом установленная мачта грозила упасть. Ясно, что тут происходили весьма короткие, но зато очень красочные диалоги. В конце концов, кое-как укрепив оттяжки за колышки и патронные ящики, удалось установить мачту.

Еще не было ни одной палатки, не считая той, в которой находились женщины.

Где теперь приютиться аппаратуре и нам самим?

Ветер хлопает по полотнищам, треплет, рвет их из рук. Людей не узнать: все в долгополых смешных малицах, все похожи друг на друга. Наконец вырастает палатка около мачты. Договариваюсь с хозяевами, начинаю вносить туда свою аппаратуру: аккумуляторы, передатчики, всякую мелочь. В углу на коленях приступаю к сборке радио. Освещение небогатое—фонарь с разбитым стеклом. Наш общий любимец—художник Федя Решетников—следит за моими руками и светит мне фонарем. Приходится работать без рукавиц. Плоскогубцы, нож, провода обжигают руки. Изредка грею одеревяневшие пальцы в рукавах, но, к сожалению, тепла там мало. Начинает не то подсыхать, не то подмерзать мокрое от пота белье, затекают колени.

Нельзя даже протянуть ноги, так как палатка доотказа набита людьми.

Приемник наконец включен. Снимаю шапку, надеваю трубки—жжет морозом уши. Но трубки быстро нагреваются.

Ввожу реостат и по легкому звону ламп слышу: работает. Прекрасно! Вот и знакомый щелчок генерации. Начинаю вертеть ручкой. Ага! Работает какой-то телефон. И вот ирония судьбы: 104 человека находятся на льдине в мороз, в пургу, ночью, никто во всем мире пока еще не знает об их судьбе, а первое, что слышит лагерь Шмидта,—это веселый американский фокстрот!

Продолжаю вертеть ручку приемника. Слышу, как Уэллен спрашивает у мыса Северного:

«НЕ ОБНАРУЖИЛ ЛИ ТЫ СИГНАЛОВ «ЧЕЛЮСКИНА»?

Между собой они распределяют ночное время для того, чтобы вести непрерывное наблюдение за эфиром. Пускаю передатчик и начинаю звать береговые станции. Передатчик работает исправно, лампы горят хорошо, как будто все в порядке. Зову в продолжение нескольких часов, но мне не отвечают. Оказывается, впопыхах и в темноте на морозе была сделана чересчур короткая антенна. Получается такая волна, которую береговые станции наверняка не слышат.

В Уэллене радистка—молоденькая комсомолка Люда Шрадер, Людочка, как зовут ее у нас. Сколько она уже сделала для нас, а сколько еще сделает?!

Людочка говорит Северному:

«ГОТОВИМ СПАСАТЕЛЬНУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ НА СОБАКАХ».

Я включаю передатчик, зову обоих... Ответа нет. Опять слушаю...

Иду к Шмидту. Путь нелегок. Наступая на чьи-то ноги, опираясь на чьи-то головы, добираюсь до выхода и ныряю прямо в сугроб... Темнота, пурга, ветер. Спотыкаясь на незнакомой еще тропе, иду к малюсенькой палатке Шмидта. Палатку занимают двое: Шмидт и Бобров.

Кое-как влезаю в палатку, сажусь на ноги Отто Юльевича, докладываю о слышанном. Не дожидаясь вопроса, говорю, что мы зовем материк, все в исправности, но пока нам не отвечают. Возвращаюсь в радиопалатку, опять слушаю... опять зову... Нас не слышат. Беру волномер, измеряю волну. Да, шансов мало. Наша волна 300 метров, вряд ли ее слушают. Надо удлинить антенну, но в темноте, в пургу это невозможно. Придется ждать до рассвета.

Отто Юльевич разрешает ждать до утра. Еще слушаю, снова зову, и все без результата. Ложусь спать: голова на коленях Стаханова, ноги на животе Иванова. Полы палатки хлопают от ветра, фонарь коптит.

Можно подумать, что все спят, но изредка то тот, то другой молча закуривает... Не спится. Холодно.

Чуть начинает рассветать, поднимаю радиобригаду. Удлиняю антенну... Теперь наша волна 450 метров, нас должны услышать.

Слушаю, зову. Слышна работа Уэллена, мыса Северного. Проходит час за часом, аппаратура вся в исправности. Изредка докладываю Отто Юльевичу о слышанном.

Отто Юльевич отзывает меня в сторону.

Тихим голосом, чтобы не слышали окружающие, спрашивает:

— Свяжемся ли с берегом?—смотрит испытующим, тревожным взглядом.

Отвечаю:

— Свяжемся. Станции предупреждены, слушают нас. У нас очень маленькая мощность. Должны нащупать волну.

Продолжается слушание, вызовы... Проходит полдня. Сажаю за приемник Иванова, сам устраиваюсь у камелька. Ноги в тепле, но голова и спина мерзнут. Начинает клонить ко сну. Иванов однообразно стучит ключом. Кругом тихо, все работают на месте аварии. Вдруг слышу:

— Уэллен отвечает!..

Сон как рукой сняло. Ничего не спрашиваю, кубарем выкатываюсь из палатки, кричу:

— Где Шмидт?

Люди угадывают необычное. Впереди меня к месту аварии, где все работают, катится весть:

— Отто Юльевич, радио...

Шмидт обернулся. Увидел меня, машущего руками, и вот небывалое зрелище: впервые в жизни я увидел, как Шмидт бежит. Пробежал мимо меня, я за ним; запыхавшись, на четвереньках влезаем в радиопалатку. Даю Шмидту журнал. Он и тут остается верен себе. Первые его слова:

— Товарищи! У меня большая радиограмма. Может ли Уэллен подождать, пока я буду писать?

Кто-то снимает мокрую от снега меховую шапку Шмидта, сушит ее у камелька, кто-то дает ему папиросу, спичку, чтобы он закурил, отдохнул, сосредоточился. Шмидт при скудном освещении фонаря пишет телеграмму.

Через десять минут идет радиограмма правительству за номером первым. Работаем позывными радиостанции «Челюскина»—бывшего «Челюскина».

Да, но откуда радиограмма?

Тут рождается название—«лагерь Шмидта».

Заступаю на бессменную вахту. Передаю первую радиограмму:

№ 1. 14 февраля в 4 часа 24 минуты московского

Аварийная, правительственная

Москва, Совнарком—Куйбышеву

Копия — **Главсевморпуть—Иоффе**

13 февраля в 13 часов 30 минут „Челюскин" затонул, раздавленный сжатием льдов. Уже предыдущая ночь была тревожной...

Телеграмма эта всем известна. Затем Шмидт написал вторую телеграмму:

№ 2. 14 февраля в 15 часов 20 минут московского

Уэллен—Хворостянскому

Итак, 100 человек на льду. Этим определяется размер спасательной операции. Глубоко ценю вашу готовность немедленно организовать помощь. Благодарю районный комитет партии.

Так как самолетов еще нет и наш аэродром может поломать, то, повидимому, наиболее реальна помощь собачьими нартами, что вы начали готовить. Напоминаю только: необходимо взять с собой навигатора или геодезиста с секстантом, хронометром для определения пути, ибо ваши операции будут очень трудными. Надо сразу мобилизовать возможно больше нарт, в том числе на Наукане, Яндагае и других местах. Лучше выступить позже, но 60 нартами, чтобы закончить дело разом. Наши люди конечно пойдут пешком, а на нартах будет продовольствие, палатки (одна на десять) и спальные мешки (один на двух человек). Также будут на нартах женщины и больные. Вы правы, предложив мысу Северному также включиться в операцию помощи. Мы живем хорошо и будем терпеливо ждать, но ледяная стихия остается стихией. При возобновлении полетов самолеты должны не только летать к нам, забирая в первую очередь женщин и детей, но и указывать дорогу санной партии. Оставьте об этом распоряжения. Шмидт".

Эта телеграмма Шмидта была ответом на следующую телеграмму Хворостянского из Уэллена в пять часов московского времени:

> Организовали чрезвычайную комиссию, мобилизуем весь собачий транспорт. По предписанию районного комитета партии полагаю завтра выехать во главе организованной экспедиции на собаках навстречу вам. В Лаврентии пурга. С прекращением пурги вылетят самолеты. Жду ваших распоряжений, дальнейших указаний.
>
> ХВОРОСТЯНСКИЙ

В тот же день приняты радиограммы с мыса Северного.

> Шмидту
>
> Погода улучшается. Предполагаем завтра вылететь. При передаче утром давайте координаты. Коротко погоду.
>
> ПЕТРОВ
>
> Бабушкину
>
> Есть ли аэродром, в каком направлении и расстоянии? Если нет—будем искать сами, сообщим вымпелом.
>
> ПЕТРОВ

Вечером Шмидт сообщал Уэллену:

> Сегодня проверили состояние аэродрома. Лететь к нам сегодня еще нельзя, разве что для тренировки—без посадки. Низкая облачность, непрерывный снег. Видимость 500 метров, температура минус 21°, давление 756, ветер один балл, норд-вест.
>
> Завтра ожидаем ясную погоду. Товарища Хворостянского прошу о всех своих мероприятиях по спасению извещать Москву: Совнарком—Куйбышеву, Главсевморпуть—Иоффе.

Начиная с 14 февраля, радиосвязь была хорошей и устойчивой. В основном мы работали с радиостанцией Уэллена, реже с мысом Северным.

В целях экономии аккумуляторов сокращали передачу как только можно. Ни одной частной телеграммы лагерь не передавал и не принимал. Как-то Шмидт сказал, что у сына его скоро день рождения. Я предложил послать хотя бы пять слов, но Шмидт наотрез отказался: «Лагерь частных телеграмм не отправляет».

***

2 Ледовый лагерь. 2252

МЕХАНИК М. ФИЛИППОВ

ЛЕДЯНОЙ ДВОРЕЦ

Палатка была для челюскинцев жилищем, местом отдыха, клубом. Сначала она была очень примитивной, но постепенно мы довели палатку до возможного в условиях на льдине технического совершенства. Как «эволюционировала» наша палатка, об этом мы и хотим рассказать.

Первая ночь на льду. Брезент, укрепленный в центре на шесте. Нижние края удерживают ящики с припасами и провиантом. В палатке вместо нормы в восемь человек спят в изумительных позах четырнадцать человек. Не спит только один дневальный, который поддерживает огонь в керосинке, составлявшей в первые дни все наши отопительные ресурсы. Над каждым спящим воткнут большой морской нож. Это для того, чтобы в случае сжатия льдов или аврала не толпиться у маленького выходного отверстия, а разрезать брезент и спокойно выйти из палаток.

Ножи втыкались только первые дни. В дальнейшем мы привыкли к неожиданностям и относились к ним спокойнее.

Когда стало ясно, что наше пребывание на льдине

будет более или менее продолжительным, мы взялись за усовершенствование палатки.

В лагере быстро установился порядок. Людей распределили по палаткам равномерно.

Нас осталось восемь человек. Мы устроили фанерный пол, чтобы не спать на снегу, обили стены одеялами, раздобыли примус.

Но ни примус, ни керосинка нас не удовлетворяли. Мы раздобыли камелек, правда, он был без дверцы и поддувала.

Топить камелек мы решили нефтью. Материалом для нефтепровода нам послужили дюралюминиевые трубки от сломанных во время аварии аэродинамических приборов. В качестве цистерны для нефти мы употребили клизменную кружку, которую случайно кто-то выбросил на лед. От этой кружки протянули трубки к камельку.

Самое сложное—как соединить нефтепровод с камельком. Нужно было проделать отверстие в чугунной стенке камелька. Инструмента для этого не было. Обошлись сверлом, которое зажимали тисками, и, пока двое держали сверло в нужном направлении, один вращал его тисками.

Словом, на работу, которая в условиях завода требует пятнадцати-двадцати минут, у нас ушло около двух рабочих дней. Так или иначе цистерна была соединена с камельком. У цистерны мы приделали деревянный краник и таким образом получили возможность регулировать поступление нефти в камелек.

Напротив нижнего конца трубки, через который капала нефть, мы провертели еще одно отверстие,—таким образом наш камелек получил форсунку. Сильная струя воздуха, бившая в это отверстие, распыляла нефть и облегчала процесс горения. Чтобы не пропадала ни одна капля драгоценного топлива, мы в камне выдолбили ложкообразное отверстие. Инструментами для работы служили обыкновенные ножи. Этот камень поместили в камельке как раз под нефтепроводом, он быстро раскалялся докрасна, и каждая капля

нефти, которая не подвергалась действию нашей форсунки, попадала на этот камень и прекрасно на нем сгорала.

Это было уже большим техническим достижением.

Вскоре наша палатка приняла хороший вид, и мы прозвали ее дворцом.

Палатку мы перенесли на другое место, потому что на прежнем треснул лед. Затем мы обшили палатку тесом. На месте, где затонуло судно, всплыл войлок, который нам очень пригодился. Из трюмовых покрышек мы устроили хороший пол и возвышение для ночлега.

В палатке благодаря нашему камельку было очень тепло.

Мы тщательно следили за чистотой.

У нас возникла мысль об устройстве стола. Обедать, сидя на полу, держа в руках одновременно кружку, ложку и галеты, было не совсем удобно.

Но как сделать стол? Собственно не сделать, а куда его поместить? Жилплощадь наша была весьма ограниченной. Сделать стол, чтобы вносить его на время обеда и снова выносить,—не выход из положения. Тогда мы решили подвесить стол. Отстругали большую квадратную доску и веревками подвесили ее под потолок на нужном нам уровне. К столу были привязаны веревки, и по миновании надобности стол можно было притянуть к стене, чтобы он не мешал двигаться в палатке.

Стол! Мы получили возможность читать, писать, играть в домино, в шашки. В шутку прозвали стол «красным уголком».

Удачно мы разрешили и проблему освещения. Сначала были свечи. Потом мы перешли к светильникам, которые наловчились делать из консервных банок. Венцом изобретательства была бензиновая лампа, которая давала свет примерно в 25 ватт.

Сделать эту лампу было не так трудно. Мы раздобыли металлическую трубку и с одного конца запаяли ее. Ввели в трубку фитиль. Больше всего пришлось

поработать опять-таки над отверстиями, которые нужно было провернуть в трубке. Эти отверстия должны были быть самых минимальных размеров. Здесь роль сверла сыграла швейная игла.

Через отверстия пробивались пары бензина, их поджигали, и лампа работала безукоризненно.

Над усовершенствованием палатки работали не только мы. Все население ледового лагеря было охвачено подлинным соревнованием на устройство образцовой палатки. Всякий опыт, всякое изобретение и открытие, облегчавшие жилищные условия, быстро распространялись по всему лагерю и немедленно применялись во всех палатках.

Когда обитатели какой-либо палатки вводили у себя новое усовершенствование, они торжественно рассылали приглашения по всем палаткам с просьбой выслать своих представителей, и в палатке-имениннице устраивался «семейный вечер».

Хозяева угощали гостей прекрасными пельменями из медвежатины и с гордостью показывали свою работу. Веселые песенки наигрывал патефон. В свободное время на такие праздники заходил и Отто Юльевич. А после Илья Леонидович Баевский раскрывал томик любимого Пушкина и читал вслух прекрасные стихи.

Хозяева и гости сидели тихо, жадно слушая повесть об авариях, которые терпел Руслан в поисках своей Людмилы.

МЕХАНИК А. ПОГОСОВ

НАС БЫЛО ТРОЕ

Пока в лагере шло строительство, в трех милях к востоку был найден чудом уцелевший аэродром вполне достаточных размеров: 600 метров на 150. Надо было приставить к этой находке сторожей, подготовиться к приему самолетов. 16 февраля я и Валавин—бортмеханик Бабушкина — переселились на аэродром.

Уже с первых дней нам сопутствовали небольшие приключения. Во-первых, в поисках аэродрома Валавин и Гуревич, возвращаясь в лагерь, сбились со следов и, застигнутые темнотой, заблудились в сугробах. Поднятая в лагере тревога и сигнальные огни показали им направление, и вскоре они, мокрые и усталые, приплелись в лагерь.

На следующий день был организован пеший караван для переброски на аэродром нашей палатки и всего необходимого. Наш передовой отряд во главе с Валавиным снова запропастился и долго нырял со льдины в сугробы. Наконец был найден кратчайший и лучший путь из лагеря на аэродром.

В его западном углу мы выбрали льдинку покрепче

и на скорую руку поставили палатку, даже не укрепив ее в снегу,—некогда было. Приволокли нарту с кукулями (спальными мешками), малицами, примусом и продуктами, и я с Валавиным остались на ночь.

Памятная ночь! Палатку продувало со всех сторон, вдобавок она оказалась прожженной в двух местах, причем камелька еще нет—не доставили. Несмотря на кукули и малицы, мы эту ночь почти не спали. За палаткой—пурга. В палатке почти то же. Пол ледяной. Холод пронизывает сквозь меха. Через каждый час мы заваривали чай и, согретые кипятком, пытались заснуть, но, разбуженные холодом, вновь принимались за чай.

Мы пытались согреться и по способу Валавина: налили в банку бензин и подожгли. Стало теплее. Но минут через пятнадцать сам «изобретатель» не выдержал и бросил банку в пургу. В палатке стояла такая копоть, что мы друг друга не видели. Когда, продув палатку, мы посмотрели друг на друга, то хохотали несколько минут до колик, до боли в животе—на фоне черной палатки и «негритянского» лица белели только зубы и белки глаз соседа.

Способ Валавина был забракован. На следующий день наши лагерные товарищи, не забывавшие нас, в пургу, мороз и ветер притащили новую палатку, еще мехов, продуктов, а главное—камелек и топливо. Новая палатка показалась нам комфортабельнейшим дворцом. Она была врыта в снег, завалена кругом и плотно закрывалась. Внутри стояли камелек и мешок угля. Наконец нам принесли фонарь. Комфорт, комфорт!

На аэродроме остался теперь с нами и Виктор Гуревич. Эта наша тройка до конца следила за аэродромом. Пошли будни, нисколько не похожие на лагерную жизнь. Главной нашей заботой был аэродром. Он отличался необычайным коварством и ставил нас втупик неожиданными сюрпризами.

Во-первых, от перемены ветров и дрейфа, их силы и направления он то и дело менял очертания и умень-

шался в площади. Раза три-четыре он приходил в совершенную негодность, и надо было все заново расчищать. Бесчисленное количество раз мы его чинили, удлиняли, расширяли, выравнивали.

Мы следили за ледяным полем недоверчиво и зорко и сигнальным порядком вызывали из лагеря нужный народ, инструмент и все необходимое для срочной ликвидации очередных трещин, следов пурги и сжатия ледяных валов.

Утром, на рассвете, и вечером, а иногда даже ночью, через каждые два часа, а то и чаще, мы по очереди выходили в обход аэродрома, внимательно изучая трещины—старые и новые, смерзшиеся и свежие. Каждому из нас были известны каждый бугорок, каждая прогалина. Малейшее изменение поля не укрывалось от наших глаз. И каждое утро мы сигнализировали в лагерь: «Аэродром цел, самолеты можем принять» или вызывали народ для ремонтных работ.

Наша новая палатка, в которой поселились «трое черных» (так нас называли в лагере), не была совершенством в смысле благоустройства, удобств и утепления. В лагере уже давно оборудовали отепленные, освещенные и просторные палатки. Но мы с месяц прожили в своей, кое-как приспособившись. Когда камелек горел и раскалялся докрасна, возле него было тепло и даже жарко. А в углу замерзала вода, и продукты ничуть не отогревались. Висели сосульки по углам—результат наших попыток наперекор стихии согреть палатку. Ложились мы в кукули, одетые в меха. Спать было тепло конечно. Но к утру борода примерзала к кукулю. И если по неосторожности кто-нибудь из нас не залезал с головой и в шапке в кукуль, то рисковал обморозить нос или уши, что неоднократно и случалось. Особенно мы опасались за внушительных размеров нос Виктора, однако Виктор был достаточно осторожен.

Самым тяжелым в жизни был утренний подъем—растопка камелька; приготовление завтрака было куда веселее.

Температура в палатке была чуть повыше наружной. Растопка камелька сопровождалась ворчанием и весьма крепкими выражениями по адресу жестокой Арктики. Часто потираешь руки, но они быстро деревянеют и абсолютно не слушаются хозяина.

Наконец камелёк растоплен, и в палатке становится терпимее.

Около камелька все тает и мокнет. Нарубив вчерашнего супа и мясных консервов, дневальный готовит завтрак, будит остальных:

— Гей, орлы! Вылезайте из мешков! Минуту на размышление, две на одевание (надо натянуть только валенки), а то замерзнет чай!

Угроза действует. Из мешков появляются бородатые лица, и только по цвету бороды можно различить их владельцев. Потом начинается очередной трудовой день. Изредка приходится итти в лагерь за продуктами. Довольно часто, почти каждый день, у нас в гостях Воронин, Бабушкин или Бобров. Да и вообще нас в лагере не забывают, навещают, все время присылают дрова, бензин, продукты и... новости.

Дни горячки—это летные дни, когда дан сигнал о вылете самолета. В такой день на аэродроме полно. Оживление царит в нашем «аэропорту». И наша вывеска на палатке почти оправдывает себя. На доске тщательно выжжено: «Аэропорт 68° с. ш., 173° з. д.»—это координаты точки в Чукотском море, вокруг которой примерно дрейфует наша льдина и где погиб «Челюскин».

Хуже бывало, когда очередной передвижкой льдов нас отрывало широким разводьем от лагеря. Тогда в ожидании, пока замерзнет полынья, в течение двух-трех дней мы совершенно одни оставались в нашем «аэропорту», варили традиционную уральскую «шкуру» по рецепту Валавина. Варить никто не умел, но «шкура» (нечто вроде клецок) получалась отличная.

Рискнули как-то сделать оладьи—удачно, но много угару. Большинством голосов решили приготовлять их, как лакомство, пореже.

Так протекали наши будни, но довольно часто они прерывались яркими и памятными событиями.

21 февраля мы получили сведения, что самолет «АНТ-4» Ляпидевского вылетел с рассветом в лагерь.

С вечера лед потрескивал, и на аэродроме было несколько свежих трещин, поэтому мы бегали каждые пятнадцать-двадцать минут по всему, тогда еще обширному аэродрому, просматривая опасные места. Состояние было напряженное. Вскоре пришел Бабушкин. Только пошли мы осмотреть аэродром и выкладывать «Т», как заметили новую трещину, пересекавшую по диагонали весь аэродром. Трещина росла у нас на глазах. Самолет уже час в воздухе. Ждем. Трещина все шире и шире. Когда местами трещина дошла до полуметра, было ясно, что аэродром в прежнем виде не годится для приема машины. Я бросился собирать флажки, но был остановлен обратной передвижкой льдов. Обе половины аэродрома стали надвигаться одна на другую вдоль всей трещины, и кое-где уже стало торосить. Треск ломавшегося льда заглушал голоса, и приходилось кричать. Невдалеке откололо кусок аэродрома. Через пятнадцать минут там, где была трещина, громоздилась гряда высоких торосов.

Стало тише. Собрав флажки, мы бросились вымерять уцелевшую северную половину площадки. Она оказалась размером 400 $\times$ 100 метров в одном конце и 400 $\times$ 200 в другом. К этому времени прибыл народ из лагеря. Срочно бросились расчищать площадку от заструг и расширять ее по мере возможности. Самолет надо принять!

На аэродром уже прибыли женщины с детьми. Переодеваются потеплее. Скоро должен появиться самолет. Работали, не жалея сил, по два человека на инструмент, чтобы избежать простоя.

Поставили на вахту вдоль подлой трещины людей, которые должны были немедленно сигнализировать об опасности. Около «Т» тоже стоял человек, чтобы в случае чего быстро переделать ее в крест.

Но проходит час, другой, третий. Нет самолета. Настроение у некоторых стало падать. Где самолет? Почему его нет? Пять часов... Нет самолета. Стало темнеть. Послали в лагерь, к радио. Может, сигналы перепутали на вышке? Только к вечеру получилось сообщение, что самолет, пробыв в воздухе 7 часов 40 минут, не нашел лагеря и вернулся в Уэллен. Вздохнули спокойнее. Целы летчики, механики, самолет.

Памятен день 5 марта, когда прибыл первый самолет Ляпидевского и, забрав десять женщин и двух детей, благополучно доставил их в Уэллен. Получив сигнал, что самолет готовится к вылету, мы, проверив аэродром и выложив «Т», стали ждать. Вскоре сигнал: «Вылетел». Погода стояла замечательная. Спокойно, слабый ветерок, очень удобный для приема самолетов на наш ограниченный аэродром.

В ожидании пассажиров (должны были лететь женщины) сели играть в домино. Время от времени я выходил смотреть горизонт. Вышел, и вдруг—далекое и громкое «ура». Одновременно услышал звук мотора. В палатке Виктор тоже крикнул: «Самолет!» Пулей вылетели втроем на поле и мигом стали по местам.

С юга-востока быстро приближался долгожданный самолет «АНТ-4», мощно распластав в воздухе свои металлические крылья. Сделав над аэродромом небольшой круг, он сразу пошел на посадку и, приземлившись, сел у самого «Т», как было условлено по радио, прирулив к нашей «шаврушке» (или «амфибушке-стрекозе», как у нас называли самолет Бабушкина).

С какой радостью встретили мы первых наших спасителей. Привели их в палатку, угощали горячим какао, папиросами, расспрашивали. Они очень удивлялись нашей благоустроенной и теплой палатке, спасенному и стоявшему на аэродроме самолету Бабушкина, нашей жизнерадостности и нашему здоровому, бодрому виду.

Меж тем народ из лагеря запаздывал. Оказывается, их путь отрезало разводье, и челюскинцы принуждены были тащить из лагеря шлюпку-ледянку и перепра-

вляться на ней через полынью. Только через час, запыхавшиеся и радостные, стали прибывать наши. Скоро на аэродроме было полно народу. Кинооператор Шафран торопливо вертел ручку своего киноаппарата, снимая самолет, летчиков, механиков, женщин, Отто Юльевича, Владимира Ивановича, каждого отдельно и всех вместе у самолета.

Женщины одеваются. Кадр. Женщины садятся в самолет. Кадр. Прощаются. Кадр. Взлетают. Кадр. Наши корреспонденты тоже дали волю своим карандашам, обрадованные разрешением Отто Юльевича послать по сто слов в Москву. Начальник расщедрился не зря—самолеты привезли нам свежие аккумуляторы.

Женщины и дети улетели. Как гора свалилась с плеч. Я не выдержал и под дружное пение провожающих пустился в дикий и родной пляс—затопал «шамиля», разметая крутом снег.

Потом пошли опять тревожные дни. Аэродром понемногу ломало. Он весь был испещрен старыми и новыми трещинами. С севера нас все время беспокоила большая гряда торосов, которая систематически надвигалась на наш аэродром, съедая его по метру, по два ежедневно.

Мы все работали три смены подряд—пришлось расчистить от целой гряды торосов около 500 квадратных метров площади. Трещины засыпали льдом и снегом.

Нам уже с неделю построили хорошую, теплую палатку с окном из бутыли и с дверцей, обитой войлоком. Пол у нас был теперь деревянный, и в палатке днем ни вода, ни продукты не замерзали. Ночью, залезая в кукули, мы смело могли снимать меховую одежду.

Однажды на аэродроме были убиты первые и, к сожалению, последние два медведя. Дело было так. Прибыла первая смена для работы на аэродроме. Так как я был во второй смене, то спокойно сидел в палатке,

слушая последние новости с материка. Вдруг снаружи крики:

— Медведи! Медведи! Три! Где? Вон там! Винтовку скорее!

Я быстро схватил винтовку, которая всегда висела заряженная над головой, и выбежал навстречу Виктору, влетевшему в палатку с криком:

— Сашка, винтовку! Скорее!

Пока я, ослепленный, рассматривал заснеженные льды, мне притащили шлем и пачку патронов. Мы втроем—я, Виктор и Гудин—побежали наперерез медведям, шедшим гуськом в километре от нас, с подветренной стороны.

Бежали долго—впереди Виктор с наганом, за ним я и Сергей Васильевич. Наконец медведи пошли в нашу сторону. Мы залегли в снег, чтобы подпустить их поближе. Я все ругал Виктора, который, как молодая гончая, горячился и порывался вперед. Я боялся, что медведи, заметив нас, убегут. Так оно и вышло. Не выдержав, Виктор выскочил из-за сугроба и стал махать руками, как бы приглашая дорогих гостей. Медведица, стоявшая на задних лапах, увидев Виктора, быстро опустилась и, заревев, повернула обратно. Медвежата—за ней.

Они были в 250 метрах. Крепко выругав Виктора, я быстро прицелился в медведицу и, когда она оглянулась, выстрелил.

Попал. Она заревела и завертелась на месте. Сергей Васильевич только шепнул: «Есть!» Теперь—в медвежонка. От второго выстрела медвежонок сразу упал. Тем временем медведица, став на задние лапы, свирепо рычала, потирая морду. Я еще раз прицелился медведице в грудь и, уложив ее, стал искать второго медвежонка.

Скрываясь за льдинами, тот улепетывал во всю мочь. Пробежав вперед метров двадцать, я еще раз выстрелил, но неудачно—медвежонок был уже далеко, и я его только ранил. Мы пустились за ним по горячим следам, но так и не догнали.

Когда мы, усталые и мокрые, вернулись к палатке, то с убитых медведей уже сняли пушистые шкуры, и, погрузив туши на нарты, смена потащила в лагерь неожиданную добычу. Несколько дней выдавалось свежее мясо сверх нормы. Все это было и во-время и хорошо. Плохо лишь, что наш биолог-зверобой Белопольский, зимовавший как-то на Чукотке, показал нам, как чукчи едят свежую сырую медвежатину, и сам съел ее слишком много и серьезно заболел. А Виктора я еще долго упрекал за то, что он напугал своей рыжей бородой медведей и мы упустили третьего красавца.

Медведи, видимо, всю ночь ходили вокруг палатки и по аэродрому и, голодные, пробовали съесть датский флаг, но отказались—невкусный, вероятно. Во всяком случае в желудке у медведицы нашли кусок злополучного флага и окурки папирос «Блюминг». Медведей мы больше не видели, хотя дней пять я ежедневно ходил на рассвете в те места, думая подстеречь третьего.

Тем временем наш аэродром доживал последние дни. Уже найден был новый аэродром, поближе к лагерю. Наконец получили известие, что Каманин прибыл в Уэллен. Слепнев также на новой американской машине перелетел из Нома в Уэллен.

Большим событием был отлет 2 апреля нашей «стрекозы» с Бабушкиным и Валавиным.

До того, дождавшись относительно теплых дней, Бабушкин уже взлетал два раза над лагерем. Вот как это было.

С семи часов утра 31 марта стали греть мотор. Работал я все время с предчувствием, что улетят. Сказал это Бабушкину и Воронину. Бабушкин оделся и был готов.

Часов в десять запустили мотор. Работал он неплохо. Бензин качало хорошо. Бабушкин заставил сменить пару свечей у нижнего цилиндра и приготовился к отлету. Собралось много людей на расчистку аэродрома.

Шмидт, Копусов, старший механик Матусевич и другие стали прощаться. Мотор ревел. Настроение было приподнятое. Бабушкин, зарулив в угол аэродрома, развернулся для взлета. Но, как ни тянул мотор, машина не отрывалась. Бабушкин попытался взлететь поперек аэродрома. Я уж думал, что сейчас в ропаки ухнет. Но он зарулил вправо и пошел на дальний конец аэродрома для взлета против ветра. Мы пробежали туда, развернули машину. Бабушкин еще раз пошел на взлет. Опять неудачно. Самолет пробежал метров триста—триста пятьдесят, но не оторвался. Прирулил обратно. Выбросил из него чемодан Жорки Валавина, но и в третий раз машина не оторвалась. Разок она оторвалась на полметра, но снова плюхнулась. Бабушкин прирулил к палаткам.

Пришла вторая смена. Мы, злые, взялись за работу. Настроение вялое. Один Бабушкин не нервничал, а спокойненько прилег у самолета и даже уснул. Разбудили мы его, когда увидели, что на вышке флаги спущены. Это сигнал: непогода в Ванкареме. Бабушкин решил все-таки попробовать машину в воздухе. Слили немного бензина. Мотор хотя и остыл, но запустился сразу. Прогрев минут пятнадцать, Бабушкин вырулил машину в дальний конец аэродрома на старое место. Я с Витькой Гуревичем прицепились сбоку, чтобы далеко не бегать. Потом смеялись: хоть по аэродрому полетали. Но Шмидт заметил, что это не считается—это каботажное плавание.

Развернули машину. Решительный момент. Все напряженно следили и молчали. Когда машина побежала, я сжал кулаки и постепенно приседал по мере того, как она удалялась. Пробежав метров двести пятьдесят, она наконец оторвалась, и, покачавшись в воздухе, стала плавно набирать высоту. Настроение поднялось. Спасение самолета, перетаскивание на аэродром, работа с ним здесь, запуски, поломки и починки... Ведь все это прошло бы даром, впустую... А тут—оторвалась!

Шмидт доволен, ухмыляется в бороду. Бабушкин полетал минут десять, немного виражил. Сваливал на пра-

вое крыло и всячески пробовал самолет в воздухе. Один недостаток—мотор недодает обороты при взлете, а в воздухе работает, как часы. Бабушкин полетал и со скольжением мягко сел на аэродроме, прирулив к нам. Жорка стал скорее спускать масло (у нас его было очень мало). А Бабушкин тем временем подошел к Шмидту и предложил ему полетать над лагерем. Узнав, что это не особенно отразится на расходе масла, Отто Юльевич согласился и сел на место Валавина.

Второй раз взлетели еще чище, летали десять минут. Любо было глядеть на плавный полет и на тонкие крылья, распластанные над утиным носом лодки. Классически посадив самолет, Бабушкин пошел раздеваться.

Мы взялись за мотор. Спустили масло. Проверили клапаны и свечи. Слили весь бензин из второго бака. Основной бак и верхний бачок долили и закрыли мотор. Теперь спокойнее.

2 апреля наша «блоха» улетела! Самолет ровно в одиннадцать часов отрулил в конец аэродрома. Мы его развернули, подтолкнули, и он пошел. Бабушкин сделал круг над нами, повиражил и, пролетев над лагерем, взял курс на зюйд-вест. Он даже не дождался, пока получит подтверждение о погоде в Ванкареме.

— Еще флаги снимут, как в прошлый раз. Надо скорей лететь!

Шмидт доволен, так как сегодня все шло хорошо—как по шнуру! Мотор запустился легко, сразу поднялся и не капризничал. Удивительно спокойный человек Бабушкин и замечательный пилот!

Загрузили самолет хорошенько и послали даже Ушакову в Ванкарем приборы—секстант и пару хронометров. На тросиках, веревочках, без поплавков и с огрызками нижних плоскостей он улетел...

* * *

Ну, вот наконец к нам прилетел Слепнев на американской машине и вслед за ним два «Р-5» с летчиками Каманиным и Молоковым. Начались горячие дни.

Слепневская быстроходная «американка»—нарядная, чистенькая и кокетливая—три раза пыталась итти на посадку и наконец при попытке сесть наискось против ветра заковыляла по ропакам и перевалилась набок.

На аэродроме воцарилось гробовое молчание. Мы побежали к машине. Слепнев уже вышел из кабины, осмотрел повреждения, а Ушаков, прилетевший со Слепневым и привезший собак, стоял рядом с ним. Оба были целы и невредимы.

Пожав им крепко руки и успокоившись, мы стали расчищать поле, пробили в ропаках дорогу к аэродрому и стали подымать самолет, стягивая лентой разъехавшееся шасси. Через два часа самолет уже был на ногах, и его дружно тащили на аэродром. В это время появились два самолета «Р-5». Раза два прицепившись к небольшой полосе аэродрома, обе машины благополучно сели одна за другой, еле остановив свой бег у границы аэродрома. Настроение, заметно упавшее при неудачной посадке «американки», быстро поднялось. Наши родные, советские машины показали лучшие качества при этой рискованной посадке. Через полчаса, забрав пять человек, они улетели в Ванкарем. Слепнев остался ждать запасных частей для помятого хвоста самолета.

Погода испортилась. От сильного нордового ветра льды кругом стало сильно торосить. В ночь на 9 апреля наш аэродром сломало окончательно на несколько кусков, разъединенных трещинами по метру и по два. Рядом с нашей палаткой прошла трещина и разошлась на пять метров. Запасный аэродром тоже треснул по диагонали. Местами образовались полыньи. В лагере тоже прошла большая трещина, и стало сильно торосить. Наш камбуз сломало.

Всю ночь и следующий день длилась полундра. Надо было спасать продукты, делать новый аэродром, перетаскивать слепневскую машину. Разметив площадку в 450 × 100 метров, мы стали работать. Работали уже через силу, но по радио сообщили, что к нам летят самолеты, и надо было спешить.

Только привели площадку в нормальный вид, вдруг слышу крик:

— Погосов, беги сюда! Трещина расходится!

Верно. Трещина, отколовшая около 150 метров вновь расчищенного аэродрома, прямо на глазах расходится. А самолеты вот-вот будут. Неужели крест выкладывать им? Быстро бросаю людей на конец аэродрома для удлинения его до 400 метров. Сам бегу офлажить проклятую трещину. Пришедшая вторая смена вместе с оставшейся первой делает все, что в человеческих силах. Руками, лопатами, трамбовками, пешнями и нартами дробят ропаки, ровняют площадку, тащат глыбы отколотого льда. Только к вечеру получаем сведение: «Из-за тумана самолеты вернулись в Ванкарем».

На следующий день, закончив вчерне аэродром, бросаем людей на перетаскивание самолета Слепнева. Самолет уже на полпути, но его движение остановила новая передвижка льдов. В двадцати метрах впереди лед ломает, торосит. Громадные льдины вылезают мокрые из воды и с шумом и треском обрушиваются. Под ногами кругом трещит. Ветер. Солнце тускло светит сквозь поднявшуюся поземку. Ребята молча ждут затишья, чтобы, прочистив дорогу в новых ропаках, перетащить самолет на прочную льдину у аэродрома. Все устали—ночь почти не спали.

Передвижка льдов прекратилась. Быстро пробиваем в торосах ворота, засыпаем несколько трещин кусками льда. Посылаем за помощью в лагерь. Наконец дорога пробита.

Дружно вцепившись в самолет, по команде: «Раз, два, взяли! Еще взяли!»—самолет трогается с места. «Взяли! Взяли! Взяли!»—и самолет ползет, ныряя по ропакам и перебираясь через зыбкий лед засыпанных трещин.

Взялись за дело во-время. Опять начинается передвижка льдов, но уже где-то позади. Самолет на новом аэродроме. Здесь спокойнее.

10-го Слепнев улетел. Прилетали Каманин и Молоков. «Р-5» брали по пять и даже по шесть человек. Прилe-

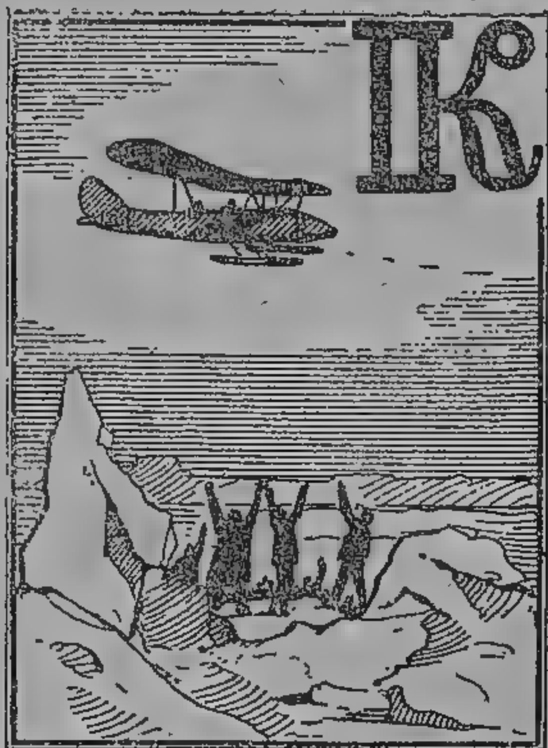
тели также Водопьянов и Доронин. Наш аэродром работал, как хороший аэропорт. Один самолет садится, другой взлетает. Садятся по два сразу. Все это делалось так быстро, что иной раз приходилось вне очереди сажать на машину любого находившегося на аэродроме. Летали Каманин, Молоков, Водопьянов.

Еще раз забеспокоились, когда машина Доронина на взлете надломила ногу (шасси). Народу уже осталось мало. Думали в этот день перебросить всех из лагеря на сушу. А тут и самолет остается на льду. Оттащили машину в сторону, подняли. Каманин очередным рейсом привез запасные части. Кое-как всунув в трубки шасси обрезки лома, закончили ремонт. Самолет к вечеру вылетел. На взлете все наше сооружение обломалось, но самолет уже оторвался, улетел и, несмотря на подломанную ногу, благополучно сел в Ванкареме.

***

КАПИТАН В. ВОРОНИН

ПОСЛЕДНИЕ ШЕСТЬ

Как известно, первой ласточкой прилетел Ляпидевский. Это было 5 марта. Его машина, похожая на огромную ладью, забрала женщин и ребят.

Признаться, все мы облегченно вздохнули. Затем началось долгое выжидание. Нас бодрили ежедневные новости о смелом продвижении Молокова, Каманина, Водопьянова, Слепнева.

Наконец увидели их всех на нашей площадке среди торосов.

Они летали, как орлы, стремительно и сильно.

7 апреля мы услышали в воздухе шум пропеллера. Приятный звук вращающегося винта напоминал музыку. Вскоре показался самолет с красными крыльями и с надписями на них «СССР». Самолет сделал четыре круга над аэродромом. Видно было, что площадка для посадки не нравится летчику. Наконец машина села и быстро покатилась по площадке. Перескочив через гряду торосов, самолет, упершись в ропак, остановился.

Прилетели Ушаков и Слепнев... Наши восторженные приветствия были нарушены новым шумом в воздухе.

Вверху уже совсем близко шли два самолета. Они кружили над нами, осторожно высматривая место посадки.

Эти машины были не так красивы, как «американка», но каким «ура» мы их встретили! Каманин и Молоков, два скромных героя, выйдя из машин на лед и неуклюже качаясь из стороны в сторону, просят пассажиров садиться,—их самолеты готовы стартовать...

Итак, наши надежды полностью осуществились. Отважная работа летчиков продолжалась: кроме Каманина и Молокова, 12 апреля в лагерь прилетели Водопьянов и Доронин.

В ночь на 13 апреля в лагере осталось шестеро: Бобров, Кренкель, Иванов, Загорский, Погосов и я. Всю эту ночь я провел без сна. В палатке горел фонарь. Я зажег примус, вскипятил чаю, вымыл посуду и все аккуратно прибрал, оставив в палатке по морскому обычаю запас продовольствия и вещей, необходимых человеку, который бы вдруг оказался заброшенным на эти льдины. Мне хотелось, чтобы лагерь Шмидта, даже покинутый его обитателями, не был похож на хаотические лагери иностранных экспедиций, какие мне приходилось видеть хотя бы на острове Рудольфа в 1929 году.

С рассветом вышел на воздух. Было ясно. Кругом царило безмолвие. Немного позже радисты сообщили, что за нами летят три самолета... Я стал заделывать ход в палатки, чтобы туда не залез медведь и не разгромил оставленные мною запасы. Вот вход в палатку и заколочен. Глядь, забыл шапку. Пришлось отодрать одну из досок, взять шапку и заколотить вход вновь. Но только заколотил—вижу: забыл рукавицу. Пришлось заколачивать в третий раз...

В это время загудели моторы самолетов: их шум привел меня в себя. Я вытащил нож, взял спасательный круг, стоявший у входа в палатку, и отрезал от него кусок полотна, на котором черной краской было выведено слово «Челюскин». Эту ленту я имел потом счастье в незабываемый день, 19 июня 1934 года, на Крас-

ной площади подарить организатору нашего спасения, великому и мудрому Сталину.

В лагере я взял также на память флажок—букву «Ч» из свода морских сигналов.

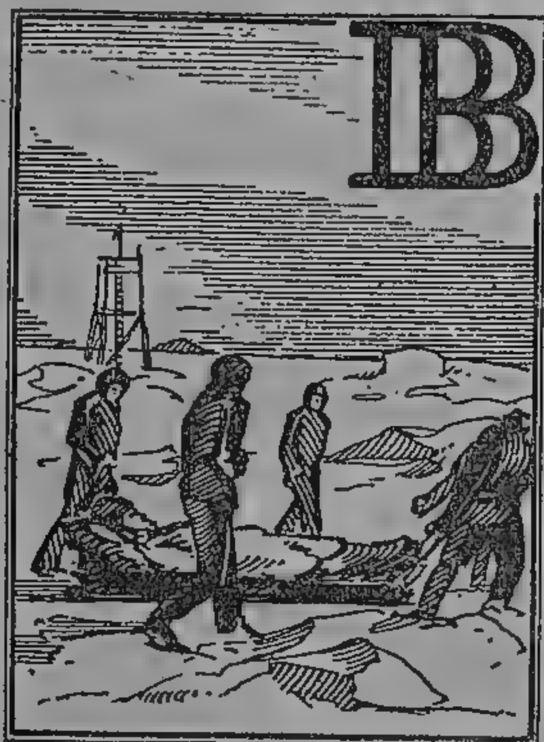
В Ванкарем я летел с Молоковым—прекрасным человеком и отличным пилотом, спасителем 39 челюскинцев. Низко-низко, над самым лагерем, сделал Молоков прощальный круг. Приветливо вился по ветру алый флаг, оставленный нами на вышке в лагере. Через пятьдесят минут мы были в Ванкареме, а через час уже летели в Уэллен.

Честь и слава нашим родным героям-пилотам, успех которых окрыляет нас, полярников, зовет к новой борьбе за освоение Великого северного морского пути.

★★★

**СЕКРЕТАРЬ ЭКСПЕДИЦИИ
СЕРГЕЙ СЕМЕНОВ**

КАК ОТТО ЮЛЬЕВИЧА ВЫВЕЗЛИ ИЗ ЛАГЕРЯ

Второго апреля Бабушкин на своей «блохе» «Ш-2», заштопанной и перештопанной нашими плотниками, вылетел наконец из лагеря и через 1 час 12 минут благополучно опустился в Ванкареме.

В этот же день из Нома на Аляске вылетел Слепнев и благополучно прибыл в Уэллен.

Через два дня, 4 апреля, разрешилась гнетущая неизвестность относительно отряда Каманина: самолеты Молокова и самого Каманина прибыли в Уэллен.

На следующий день, 5 апреля, объявились пропавшие самолеты Водопьянова, Доронина, Галышева. Они всей тройкой прилетели в Анадырь.

Для заключенных на льдине челюскинцев становилось ясно: наступил конец двухмесячного плена, близится развязка. Славнейшие летчики Союза с железной настойчивостью продвигались с разных сторон к лагерю Шмидта. Ни тысячекилометровые расстояния, ни морозы, ни пурга не могли воспрепятствовать изумительному, концентрированному наступлению на лагерь.

И действительно, уже через два дня в лагере Шмидта—большой праздник. Впервые после прилета Ляпидевского (5 марта) снова прорвались самолеты. И на этот раз—три одновременно: Молокова, Каманина, Слепнева.

Был праздник ослепительный!

И вот этот-то праздник дорого обошелся челюскинцам. Он стоил им болезни Отто Юльевича.

Весь день 7 апреля Отто Юльевич провел на аэродроме. Мороз стоял небольшой—градусов шестнадцать, но с леденящим норд-остом, силою четыре-пять баллов. Отто Юльевич, одетый в легкую куртку и горные ботинки, сильно продрог. Вечером он еще присутствовал на «докладе» Ушакова в бараке. Затем слег.

К утру температура у него прыгнула к 39°, и больше он уже не вставал.

Кренкель сидит у аппарата. Отто Юльевич лежит на полу посредине палатки, на груде меховой одежды. Глаза его закрыты.

Время от времени Шмидт открывает глаза и тихим голосом спрашивает Кренкеля о новостях. Иногда он даже не задает вопроса, а только выразительно смотрит на Кренкеля. Кренкель понимает немой вопрос, садится на пол рядом со Шмидтом и читает ему новости по записи в радиожурнале.

В пятом часу дня Кренкель начал принимать телеграмму, пролетевшую из Москвы до лагеря в Чукотском море в два с половиной часа:

11 апреля, 4.45 московского

Аварийная, правительственная

Ванкарем—Ушакову, Петрову

Копия—**Шмидту**

По одному адресу Кренкель заподозрил неладное. «Копия Шмидту»?.. Такого еще не бывало! Адрес очень не нравится Кренкелю.

Правительственная комиссия предлагает в срок по вашему усмотрению вне очереди переправить Шмидта на Аляску. Ежедневно специальной радиограммой доносите о состоянии здоровья Шмидта. Сообщите ваши предложения о его отправке.

КУЙБЫШЕВ

Кренкель испуганно оглянулся через плечо. Шмидт лежал в прежнем положении, закрыв глаза.

Вот так история! На Аляску его...

А кто же будет вместо?..

Но аппарат беспрерывно подавал вторую телеграмму также из Москвы, отправленную на двенадцать минут позже первой:

4.57 московского

Правительственная, аварийная

Архангельск радио Ванкарем
Шмидту, Боброву

Ввиду вашей болезни правительственная комиссия предлагает вам сдать экспедицию заместителю Боброву, а Боброву принять экспедицию. Вам следует по указанию Ушакова вылететь в Аляску. Все приветствуют вас. Уверены возвращении.

КУЙБЫШЕВ

Кренкель через плечо—на Шмидта. Шмидт лежит, глаза закрыты... Только бы не открыл... не спросил бы: «Какие новости, Эрнест Теодорович?»

Но аппарат снова звал к себе. Следовали дальнейшие телеграммы—все о том же—от Ушакова, от Петрова.

Наконец передача прекратилась. Телеграммы в радиожурнале записаны. Надо кому-то вручать их... Но кому?

Ясно, Шмидту! По правде сказать, он уважает, любит, ценит Отто Юльевича значительно больше, чем собственную личность... Только Шмидту!! Сколько лет он ходит с Отто Юльевичем в полярные экспедиции и никогда не позволял себе, чтобы кто-нибудь другой, пусть ближайший помощник Шмидта, узнал телеграмму, адресованную Шмидту, на полминуты раньше, чем сам Шмидт... Только Шмидту!!!

Кренкель оглянулся через плечо. Шмидт лежит, глаза закрыты.

Нет, он не может вручить Шмидту такую телеграмму. Шмидт болен, телеграмма отстраняет его от обязанностей начальника экспедиции... Не может! Не может!

Кренкель рассказывал, что он испытывал тогда самые настоящие муки.

Он решил передать телеграмму Боброву. Бобров находился в это время в палатке Копусова. Значит, нужно выйти из палатки и, главное, захватить с собою радиожурнал. Но никогда ранее он не выносил радиожурнал из палатки (за исключением случаев, когда Отто Юльевич зачитывал в бараке «информацию» по радиожурналу). А вдруг Отто Юльевич откроет глаза и спросит: «А куда вы, Кренкель, с радиожурналом? А зачем вы его уносите?..»

Пряча радиожурнал за спиною, без пальто, без шапки, Кренкель бочком пробрался мимо лежащего Отто Юльевича и выскочил на «улицу». К Боброву! К Боброву!

★★★

Кренкель перебежал десять шагов, отделявшие его палатку от палатки Копусова, и открыл дверь. Бобров

был там. Но кроме Боброва были еще люди. Следовательно, говорить в палатке о чрезвычайных телеграммах правительства невозможно.

Кренкель с грустным и таинственным лицом показал издали Боброву радиожурнал и поманил пальцем, приглашая выйти.

Бобров не понял.

— Что, самолеты прибыли в Ванкарем?

Полчаса назад с лагерного аэродрома поднялись самолеты Молокова и Каманина, унося на твердую землю очередную группу челюскинцев. Бобров, увидя Кренкеля с радиожурналом в руках, подумал, что уже получено известие о прибытии самолетов в Ванкарем.

Кренкель вытащил Боброва из палатки и повел в уединенное местечко за нашим пищевым складом. Усадив Боброва на льдину, он молча передал ему радиожурнал, раскрытый на последних страницах.

Бобров прочитал.

Перечитал еще раз.

— Шмидт знает?

— Нет, не знает,—грустно ответил Кренкель.

Не знает? Значит, сообщать все Шмидту предстоит ему, Боброву? Он, Бобров, с этой минуты—начальник экспедиции...

Со льдины, на которой размышлял Бобров, открывался «шикарный вид на торосы Чукотского моря». Поодаль, как деталь пейзажа, стоял мрачный Кренкель, рассматривая свои стоптанные валенки.

Бобров встал и с радиожурналом в руках направился к палатке, где лежал Шмидт. Кренкель, как вторая тень Боброва,—день был солнечный, яркий, тени на снегу резкие—последовал за ним.

Дойдя до палатки Шмидта, Бобров не вошел в палатку, а обошел ее кругом. Обошел раз, обошел два, обошел три...

Кренкель, мрачный, остановился поодаль—снова деталь пейзажа.

Бобров ходил вокруг палатки. Ему предстояла очень трудная задача: убедить Шмидта покинуть льдину. Не-

преклонное решение Шмидта оставаться на льдине, покамест на ней останется хотя бы один челюскинец, знал весь коллектив челюскинцев, начиная с первого дня пребывания на льдине.

Ушаков, на которого правительство возлагало задачу вывезти Шмидта на Аляску, тоже неплохо знал Шмидта. Исходя из того, что он неплохо знает Шмидта, Ушаков послал в лагерь телеграмму, где предлагал Боброву «мобилизовать для убеждения Шмидта общественное мнение челюскинцев и, если это нужно, подкрепить его даже решением партийного коллектива».

Бобров «разгуливал» вокруг палатки и обдумывал «возможности».

Бобров—человек, склонный к сложным психологическим действиям. Разгуливая вокруг палатки, он обдумал целый план, как склонить Шмидта выполнить предписание правительства.

План Бобров составил в двух вариантах. Вариант первый составлен был на основе предположения, что у больного Шмидта окажется «хорошее» настроение. Если это «хорошее» настроение будет фактом, он, Бобров, начнет свою атаку с доклада о ходе вывозки челюскинцев со льдины. Он доложит своему вчерашнему начальнику:

«Товарищ Шмидт, вывозка идет очень успешно, вчера вывезено 22, сегодня 32. Совершенно очевидно, что завтра, разумеется при наличии летной погоды, будут вывезены остальные—до последнего человека... Поэтому он, Бобров, сегодня начал вывозку больных. Первым он вывез Белопольского, а вторым будет он, начальник экспедиции, Отто Юльевич Шмидт...»

На случай «плохого» настроения Бобров решил не форсировать вывоз Шмидта. Лучше в этом случае отложить вывоз до завтра, а за это время исподволь подготовить Шмидта.

Но Бобров—большевик, старый большевик, с 1904 года. Вся его психика была подготовлена к тому, чтобы воплощались в жизнь—пусть это будет жизнь на льду Чукотского моря—только наиболее верные, только наи-

более эффективные (в данных обстоятельствах) решения. Где-то в глубине своего существа Бобров был уверен, что он сегодня вывезет Шмидта со льдины.

И поэтому, прекратив хождение вокруг палатки, где лежал Шмидт, Бобров присел на льдину, вынул блокнот и—на морозе—написал проекты двух телеграмм.

Телеграмма первая:

> **Ванкарем, Ушакову**
>
> Распоряжение правительства принято к исполнению. Шмидт со следующим самолетом в сопровождении врача Никитина направляется к вам.
>
> **БОБРОВ**

Вторая—Куйбышеву:

> Ваше распоряжение принято к исполнению. Шмидт направляется в Ванкарем в сопровождении врача Никитина.
>
> **БОБРОВ**

Вооруженный проектами этих двух телеграмм и радиожурналом, Бобров направился к палатке, где лежал Шмидт. Кренкель, как вторая тень в этот солнечный яркий день, следовал за Бобровым. У двери собственной палатки Кренкель остановился. Шмидт и Бобров свой разговор относительно полученных правительственных телеграмм должны вести в совершенной тайне.

Поэтому, когда Бобров вошел в палатку Шмидта, Кренкель встал у двери сторожем.

* * *

Бобров вошел в радиопалатку и небрежно швырнул радиожурнал на полагающееся ему место—у радиоаппарата. Бобров хотел показать, что его приход ничем не связан с радиожурналом.

Шмидт при звуке открываемой двери увидел нового человека и приветствовал его своей обычной мягкой улыбкой.

В палатке произошел примерно такой разговор:

— Как вы, ничего?—сурово спросил Бобров. От волнения он набрал воздуха в полную грудь и выпрямился во весь свой немалый рост над лежащим у его ног Шмидтом.

— Благодарю. Ничего.

— Знаете, самолеты работают хорошо. Вывозка идет успешно. Вчера вывезли 22, сегодня 32.

Шмидт слабо кивал головою.

— Остается на льдине 31.

Шмидт опять кивнул.

— Самолеты работают хорошо. Сегодня я отправил литерных.

— Что значит «литерных»?—заинтересовался Шмидт.

— «Литерные»—это больные. Сегодня отправил «литерного» Белопольского... Самолеты работают хорошо—отправил «литерного» вне очереди.

Шмидт опять слабо кивнул.

— На льдине остались одни здоровые и только один «литерный». Это—вы. Сейчас очередь за вами, как за «литерным».

— За мной?—Шмидт даже приподнял голову с мехов.

— Ну да, за вами,—неверным, но строгим голосом подтвердил Бобров.

— То есть как за мною?!

— То есть так—за вами!—отчаянно, очень сурово подтвердил Бобров.

Он во все глаза смотрел в зрачки Отто Юльевича. Момент, по мнению Боброва, был решающий.

Отто Юльевич опустил голову на меха.

— Нет уж, извините. Забыли условие: я—последний вы—предпоследний.

— Обстоятельства меняются. Мы же диалектики. Я здоров, а вы больны. Очередь может быть переставлена.

Шмидт мягко улыбнулся.

— Нет, Алексей Николаевич, этого нельзя. Я—последний со льдины.

Алексей Николаевич начал сердиться. Но, как он рассказывает, он сдержался и затем употребил все свое красноречие:

— Отто Юльевич! Поймите!.. Ведь в случае сжатия мы, здоровые, будем стеснены вашим присутствием. Поймите, палатки могут быть разрушены! Вас же придется держать на морозе! А вы на морозе «загнетесь»! А если вы «загнетесь»—это мировой скандал! Нам скажут: вы не сумели сохранить начальника экспедиции, когда это можно было сделать!.. Поймите, Отто Юльевич!

Отто Юльевич задумался.

— Нет, нельзя. Все же я начальник.

Он сказал это нарочито твердо, как всегда говорит больной, когда изъявляет свою волю.

Бобров замолчал. Но через полминуты он п вел атаку с другого фронта.

— Какой же вы начальник, когда лежите больной? Вы—не начальник, вы—бесполезный человек в лагере!

Никогда в течение всей своей жизни Отто Юльевич не считал себя бесполезным человеком.

— Что?! В чем дело?!

— Хватит!—отчаянно сказал Бобров.—Поначальствовали! Объявляю себя начальником экспедиции.

Шмидт изумился.

— Ну-ну-ну!—сказал он.

— Чего «ну-ну-ну»?—сердито спросил Бобров.—Вы пойдете у меня «литером» № 2. Самолеты работают хорошо. Вам подадут утепленную машину.

— Позвольте, позвольте, меня же никто не сменял!

— Не сменял?!—выкрикнул Бобров.—Ну что с вами говорить? Нате, читайте!

И он, схватив со «стола» радиожурнал, подал его Шмидту.

Шмидт внимательно, одну за другой, прочитал радиограммы. Их было пять.

Шмидт закрыл глаза, прилег головой на подушку и через полминуты открыл глаза, устремив их на Боброва:

— Что прикажете, товарищ начальник?

Бобров бросился на пол к Шмидту. Расцеловались.

— Сейчас же одевайтесь!—приказал Бобров.

— Как сейчас же?—удивился Шмидт.

— Ну да, сейчас. Из Ванкарема высылают утепленный самолет специально для вас.

Шмидт протестовал против чересчур спешной отправки его из лагеря, но скоро должен был согласиться с Бобровым.

Согласившись, он тут же передал власть новому начальнику экспедиции путем передачи ему последних распоряжений.

Бобров позвал Кренкеля, который все еще стоял сторожем у двери. Весть об отлете Шмидта тотчас распространилась по лагерю.

Вошли Копусов, доктор, радист Иванов, кое-кто из машинной команды. Началось одевание больного. Никто не мог освободиться от чувства подавленности.

Внезапно рассмешил всех доктор Никитин. Он обратился к Боброву с неожиданной просьбой:

— Алексей Николаевич, нельзя ли мне новый полушубок получить? Мой очень грязный. Неудобно показаться.

Речь зашла о том, кто будет сопровождать Отто Юльевича на Аляску. Кроме доктора, наметили Кренкеля, как знающего английский язык.

— Кренкеля было бы очень хорошо,—сказал Отто Юльевич,—но, я считаю, невозможно взять с собою человека, который работает в лагере по связи.

Внезапно с улыбкой он обратился к самому Кренкелю:

— Ну как, Эрнест Теодорович, согласны меня сопровождать?

Вопрос застал Кренкеля врасплох. Больше всего на свете ему не хотелось расставаться с Отто Юльевичем, но в то же время он сознавал, что не имеет права покидать лагерь. Его отсутствие может принести остающимся непоправимый ущерб. Ведь до сих пор именно на нем держалась радиосвязь с внешним миром.

Кренкель рассказывал мне: «Я думал, думал, как ответить на его вопрос, так ничего и не придумал».

— Как прикажете, Отто Юльевич,—брякнул он.

Нарты уже стояли у палатки. Одетого Отто Юльевича «всунули» в спальный мешок, удобно уложили в нарты, у головы соорудили высокую мягкую подушку из мехов. Отто Юльевич пытался шутить, но шутки его уходили в пустоту.

Нарты тронулись. Кроме Боброва и Копусова, нарты сопровождали Володя Задоров—секретарь парторганизации, Решетников—художник, Ваня Румянцев—предсудкома, Толя Загорский—боцман,—все, как на подбор, в черных кожаных куртках.

Нарты шли довольно быстро, сопровождающим пришлось бежать за ними вприпрыжку. Необходимо было поддерживать голову, закрывать лицо, которое Отто Юльевич все время раскрывал. Он хотел видеть в последний раз лагерь и отчаянно ругался, когда ему снова и снова закрывали лицо.

На аэродроме перед посадкой на самолет он снова расцеловался с Бобровым.

Самолета ждать почти не пришлось. Пилотом, которому выпала честь вывезти Шмидта со льдов, был славный Молоков.

На следующий день Бобров послал телеграмму Куйбышеву:

„Москва, Куйбышеву
Копия—**Иоффе**
Роста, „Правда“, „Известия“

Благодаря отлично поставленной работе правительственной комиссии по спасению челюскинцев и благодаря блестящей работе советских самолетов и летчиков распоряжение правительства о немедленном вывозе заболевшего Шмидта выполнено через 10 часов после отправки распоряжения из Москвы. Наличие самолетов и взятые ими темпы гарантируют окончание операций в случае летной погоды сегодня, 12 апреля.

И. о. нач. экспедиции А. БОБРОВ

Эта телеграмма разошлась в пути с другой телеграммой—запоздавшей телеграммой правительства Шмидту:

Вручить нач. связи. Передачу проследить.
Архангельск, радио Ванкарем
Передать Шмидту, *копия*—**Боброву**

Правительство поставило перед всеми участниками помощи челюскинцам с самого начала задачу спасти весь состав экспедиции

и команды. Ваш вылет ни на иоту не уменьшит энергии всех героических работников по спасению, чтобы перевезти на материк всех до единого. Со спокойной совестью вылетайте и будьте уверены, что ни одного человека не отдадим в жертву льдам.

КУЙБЫШЕВ

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ЭКСПЕДИЦИИ
А. БОБРОВ

ЛИКВИДАЦИЯ ЛАГЕРЯ ШМИДТА

Седьмого апреля после большого перерыва вновь появились самолеты в нашем лагере. Прилетели Каманин, Молоков, Слепнев, а с ним—Ушаков. По сводке мы знали, что приближается еще одна группа—Водопьянов, Доронин, Галышев. Прилет одних самолетов, сведения о приближении других, а также продвижение «Смоленска», «Сталинграда» и «Красина» в значительной степени подняли дух у всех.

Эта радость—приближение самолетов—для нас, ближайших помощников Шмидта, омрачалась заболеванием Отто Юльевича, начавшимся вечером 7 апреля. Я проживал с ним в одной палатке и замечал, как ухудшается его общее состояние. Зная, что в прошлом у него был туберкулез легких, я боялся за исход его болезни. Я советовался с ближайшими товарищами, но поставить вопрос о досрочном вылете Шмидта никто из нас не осмеливался. Мы знали наверняка, какой последует ответ.

Ушаков, прилетевший как раз 7 апреля, принял решение поставить в известность об этом правительство.

Товарищ Куйбышев телеграммой в адрес Шмидта и мой предложил: первому немедленно сдать руководство экспедицией, а мне принять. Очевидно, товарищ Куйбышев знал, что на Шмидта произведет тяжелое впечатление предложение покинуть лагерь не последним. Он прислал дополнительную телеграмму, в которой в очень теплых, дружеских выражениях убеждал Отто Юльевича покинуть льдину, уверяя, что общественность никогда его за это не осудит, что на спасательных операциях его преждевременный отлет ни в какой степени не отразится, что ни один из находящихся на льдине не будет отдан в жертву суровой стихии.

Когда я получил радиожурнал и прочел распоряжение Куйбышева, то в первый момент был ошеломлен: с одной стороны, я был очень рад, что жизнь Отто Юльевича может быть спасена, а с другой стороны, меня крайне озадачил способ осуществления этого распоряжения. Во-первых, нужно было выработать такой план действий, при котором спокойствие Отто Юльевича было бы ограждено полностью. Во-вторых, меня крайне волновала та ответственность, которая ложилась на меня с принятием руководства экспедицией.

Авторитет Шмидта у экспедиции был исключительный. Его любили и ценили и как начальника и как старшего друга, товарища. Его авторитет во всех отраслях науки в глазах научных работников был непоколебим. Высок его авторитет и как полярника. Замещать Отто Юльевича вообще трудно, а мне, молодому полярнику, особенно.

Ободряло сознание, что коллектив, созданный Шмидтом и воспитанный нашей партийной организацией, поможет мне в этой трудной работе.

К моменту отлета Шмидта в лагере оставалось всего человек тридцать. Мы были уверены, что при хорошей работе самолетов 12 апреля операции будут закончены. Так бы и вышло, если бы самолет Молокова не потребовал небольшого ремонта.

12 апреля к вечеру в лагере Шмидта осталось всего шесть человек: капитан Воронин, радисты Кренкель и Иванов, комендант аэродрома Погосов, боцман Загорский и я. Вечером оставшиеся в лагере вместе поужинали, составили план действий на следующий день и отобрали имущество, которое считали необходимым взять с собой.

С Погосовым я договорился, что он даст к четырем часам утра условный сигнал о состоянии аэродрома и возможности приемки самолета, и он отправился к себе на аэродром. В лагере нас осталось пятеро.

Загорский погрузил нарты, приготовил их к отправке утром и улегся спать во «дворце матросов». Я и Владимир Иванович поднялись на вышку. Долго, задрав головы, мы наблюдали за облаками и силились определить, какая будет завтра погода. Внизу отчетливо слышно было потрескивание льда. На южной стороне появились облачка, и ветер стихал.

Под конец каждый из нас сделался метеорологом и пытался давать прогноз погоды. И я, увидя дымку и наблюдая штиль, сделал вывод, что нужно ожидать какой-то перемены погоды. Хотелось знать, как скоро и какая наступит перемена. Я обратился к Воронину с вопросом:

— Как, Владимир Иванович, какую погоду можно ожидать на завтра?

И получил исчерпывающий ответ:

— А вот завтра увидим.

Но из этого ответа и хмурого вида капитана я сделал вывод, что хорошего ожидать не приходится.

Вырезали на память на вышке свои фамилии, слово «Челюскин», даты и спустились.

При проходе через гряду, где был раздавлен «Челюскин», мы опять услышали треск льда.

Когда пришли в лагерь, какая-то необъяснимая радость и веселье напали на нас, и мы в пустом лагере пустились в пляс. Картина, очевидно, со стороны была жуткая: два уже не совсем молодых человека (в общей сложности нам около сотни лет) пустились откалывать

«трепака», потом обнялись и расцеловались. И только тут я увидел удивленную физиономию Кренкеля, который был свидетелем этой непонятной для него сцены. Я убедил Кренкеля, что мы нормальны и просто дали отдушину нашим чувствам. Тут же Владимир Иванович взял с меня слово не разглашать эту неожиданную и непонятную сцену, что я, как видите, и делаю...

Был поздний час. Я предложил Кренкелю ложиться спать, с тем чтобы его разбудить к связи с Ванкаремом, которая была назначена в четыре часа утра, а сам решил бодрствовать. Мы разместились попрежнему: наша тройка—Кренкель, Иванов и я—в радиорубке, Владимир Иванович вместе с боцманом.

Когда все улеглись спать, мне вздумалось пройтись. Мрачную картину представлял наш лагерь. Он замер. Нет света ни в одной палатке. Не дымятся камельки. Двери большинства палаток открыты. Над всем царит тишина.

Проходя мимо «дворца матросов», я услышал какой-то шорох и непонятный шум. Насторожил слух и в первый момент не понял, что за звуки,—я знал, что в палатке никого нет. Осторожно вхожу, всматриваюсь в темноту и вижу наших друзей—собак. Они, очевидно, решили последнюю ночь в лагере Шмидта не ночевать на льду, а забрались в лучшую палатку и улеглись на свободных постелях. Мое появление их ничуть не смутило. Они продолжали лежать...

Кренкелю, видимо, не спалось. Он еще раньше условленного времени проснулся и стал готовиться к переговорам с Ванкаремом. Ровно в четыре часа, как и было условлено, он поймал сигнал Ванкарема и узнал, что самолеты заправляются и в семь часов направятся к нам. На горизонте у нас была дымка. Такая же погода, как сообщил Ванкарем, была и там. С редким интересом мы наблюдали за изменениями облаков. Как потом оказалось, в Ванкареме с неменьшим интересом также наблюдали за этим. В самом деле, перемена погоды могла расстроить все наши планы.

С нетерпением ждали мы условленного часа и вылета Водопьянова. Зажгли сигнальный костер и стали жадно осматривать небо. Прошли установленные 45—50 минут, а его нет. Шесть пар глаз, оставшихся в лагере Шмидта, жадно ищут в небе точку самолета. Но тщетно! Минуты тянутся и кажутся очень длинными. У нас уже зародилась тревожная мысль—не разбился ли Водопьянов. Было единственное общее желание: пусть заблудится, пусть имеет вынужденную посадку, только бы уцелел. Уж слишком обидно, операция заканчивалась без единой жертвы—и вдруг неудача.

В установленный час связи с Ванкаремом мы узнали, что Водопьянов благополучно вернулся, не найдя нас. Оказывается, хмурый вид капитана и мое предположение о перемене погоды имели основание. На пути к нам, между Ванкаремом и лагерем, образовалась масса разводий и майн, которые сбили Водопьянова с пути. Он принял испарения за наш дымовой сигнал, отклонился в сторону, поискал нас, но не нашел и решил вернуться. Мы очень обрадовались, когда узнали, что он благополучно сел.

Товарищ Петров, председатель чрезвычайной тройки, сообщил о подготовке вылета к нам целой эскадрильи из трех самолетов. Как выяснилось потом, эта тройка была снабжена остатками бензина, и если бы и на этот раз они не нашли нас, то летные операции пришлось бы отложить на очень долгое время: ни в Ванкареме, ни в Уэллене горючего не было.

К счастью нашему, на этот раз в точно установленное время появился сначала Водопьянов, а затем Молоков с Каманиным. Последние пролетели над лагерем прямо к аэродрому, а Водопьянов задержался и стал на малой высоте делать круги, салютуя нам. Мы в свою очередь также отвечали салютом, но потом узнали от Водопьянова, что переусердствовали. Мы с Кренкелем не пожалели пороха и большую порцию подбросили в огонь. Костер мы сделали «мировой». Топлива не жалели, знали, что оно больше теперь никому не нужно. С каким-то непонятным ожесточением мы бросали в

огонь все, что попадало под руки: чемоданы, одеяла, всякое барахло. Подкатили керосиновую бочку, смолу,— словом, дым, по заявлению Водопьянова, был виден за сто километров.

Убедившись, что все самолеты сели благополучно, мы, как было условлено с Ванкаремом, сообщили им об этом. Затем я послал последнюю телеграмму правительству о том, что мы, последние, покидаем лагерь Шмидта, оставляя на вышке наш советский стяг. Кренкель сообщил радиостанциям о том, что станция лагеря Шмидта кончает работу.

Кренкель спросил меня, что брать с собой из радиоимущества, брать ли оба передатчика. Я ему предложил взять то, что он находит нужным. Вот здесь мне пришлось наблюдать незабываемую картину: Кренкель ножом перерезывал провода. Кренкель—человек крепкий, спокойный, но ему на этот раз не удалось сохранить спокойствие.

Видно, тяжело ему было перерезать те нити, которые в течение двух месяцев связывали нас с материком. Не глядя на меня, он стал спешно, но бережно завертывать аппаратуру в одеяло и укладывать на сани.

Владимир Иванович любовно заколотил свою палатку и вырезал на память кусок из спасательного круга с «Челюскина». Я снял наш вымпел Главного управления Северного морского пути, и мы тронулись в поход, предварительно осмотрев все палатки, не остался ли там кто-нибудь случайно.

Мне пришлось делать много концов от лагеря к аэродрому, но никогда я с таким чувством не покидал нашей «шмидтовки». Непонятное чувство охватило тогда меня: с одной стороны, было чувство гордости и радости, что техника и большевистское упорство победили и мы все спасены; с другой стороны, как-то жалко было бросать приютившую нас льдину. Из памяти выпали все те беспокойства и неприятности, которые она причиняла своими разводиями и торошением. Как-то выпало из памяти и основное—гибель «Челюскина».

Со смутным чувством я покидал лагерь. Очевидно,

аналогичное чувство испытывали и мои спутники, потому что, не сговариваясь, мы чуть не каждые пять минут под тем или иным предлогом останавливались и невольно оборачивались назад—в сторону лагеря.

Дорога была тяжелая. Нам постепенно пришлось облегчать свои сани, сбрасывая груз по пути. А под конец пришлось поделить весь багаж и, взвалив его на плечи, тащить на аэродром.

Минут через сорок мы перевалили через последнюю гряду ропаков, и перед нашим взором открылась незабываемая картина: на аэродроме выстроились в ряд три птицы—наши «Р-5». Товарищи, заметив нас, пошли навстречу и помогли тащить вещи. Убедившись, что с аэродрома все забрано (собаки уже были посажены), мы быстро разместились на самолетах. У Каманина были собаки и груз, к нему поместился Загорский. У Молокова—Воронин и Погосов, а я с радистами Ивановым и Кренкелем сел к Водопьянову. Саша Погосов проводил каманинскую машину, затем «дернул» самолет Водопьянова, подтолкнул самолет Молокова и на ходу прыгнул. Все три самолета благополучно оторвались. Я попросил Водопьянова посалютовать. В последний раз мы пролетели на небольшой высоте над лагерем. Сжалось сердце. Взяли направление на Ванкарем—через 45—50 минут мы уже на материке.

Когда мы прилетели на берег, нас встречали все бывшие в Ванкареме. Объятия, поцелуи. Наш фотограф Новицкий потребовал повторить мое рукопожатие с Водопьяновым, так как он не успел этот «знаменательный» акт зафиксировать.

Из краткой информации товарищей Копусова и Баевского я узнал, что ими проведена здесь большая работа: значительная часть людей уже отправлена в Уэлен самолетами и собаками. От доктора Никитина я узнал о заболеваниях гриппом и в особенности о тяжелой форме болезни у Комова и Расса. Многие температурили и жаловались на головную боль. По предположению Никитина, это—результат нервной разрядки и некоторого физического переутомления от работы на

льдине и недостаточного питания. Мы решили усилить переброску самолетами людей в Уэллен и Провидение, для чего сочли необходимым Баевскому и Копусову направиться в Уэллен, а затем в Провидение для подготовки к приему товарищей. Я остался в Ванкареме руководить переброской.

В Ванкареме от Петрова и Бабушкина я узнал, что они пережили тревожную ночь с 12 на 13 апреля, так как барометр быстро падал и предвещал изменение погоды. И действительно, через три часа после того, как нас доставили на материк, поднялась пурга, и она продолжалась несколько дней...

14 апреля в ответ на мой рапорт правительству о ликвидации лагеря Шмидта были получены знаменитая телеграмма товарищей Сталина, Молотова, Ворошилова, Куйбышева и Жданова, поздравлявшая нас с ликвидацией лагеря, и сообщение о ходатайстве перед ЦИК о нашем награждении. На улице в Ванкареме при тридцатиградусном морозе было объявлено это сообщение. Откуда-то из глубины вырвалось «ура» и здравица в честь нашей партии, товарища Сталина и правительства. На лицах сияла радость.

Когда мы отправили несколько партий и в Ванкареме осталось только десять-двенадцать человек, я направился в Уэллен. Там к тому времени сосредоточилась вся масса челюскинцев.

Ознакомившись с положением в Уэллене, я решил усилить переброску товарищей, особенно больных, в бухту Лаврентия, где имелась маленькая больница Комитета севера. Копусова, Задорова и Гуревича я направил в Провидение, где должны были сосредоточиться не только челюскинцы, но и вся спасательная экспедиция. Посылая туда группу товарищей, мы обеспечивали бесперебойное снабжение и хорошее устройство всего коллектива.

В Уэллене я почувствовал недомогание, так же как и многие из наших товарищей, и врач Никитин категорически настаивал на моем отлете в Лаврентий.

Я пробовал упорствовать, но состояние здоровья

ухудшилось, и я был переброшен на самолете в Лаврентий. Здесь меня поместили в больницу. Врачи поставили диагноз—острый приступ апендицита, необходимо экстренное хирургическое вмешательство. Больница конечно вовсе не была приспособлена к таким операциям, отсутствовал инструментарий, сама обстановка была неподходящей, а самое главное—не было хирурга. Колесниченко, Филиппов, Румянцев и Кренкель добились перелета из Уэллена врача-хирурга Леонтьева. С большими трудностями Леваневский доставил Леонтьева, и тот быстро сделал операцию. Врачи категорически запретили мне в течение шести-восьми дней какие бы то ни было занятия, и вся работа пала на плечи Колесниченко, а потом прибывшего сюда Баевского.

Здесь мы наладили радиосвязь и с правительством и с приближавшимися «Красиным» и «Смоленском», а также с Уэлленом, тогда как в Провидении радиостанции еще не было.

Пароход «Смоленск» под командованием капитана Вага блестяще справился с поставленной перед ним задачей и прошел благополучно в довольно тяжелых льдах, приблизившись к бухте Лаврентия на пятнадцать-семнадцать километров. Член правительственной тройки товарищ Небольсин и его помощники из погранотряда проделали колоссальную работу, и в течение нескольких часов челюскинцам было предоставлено свыше сорока нарт. На них свободно все разместились и тронулись к пароходу.

Путь был очень тяжелый, особенно последние три-пять километров по ропакам.

На «Смоленске» все было подготовлено для нашего приема. Радушно, по-товарищески нас встретили, больных разместили в лучших помещениях, всех обеспечили чистым бельем, окружили заботливым и внимательным уходом.

Вскоре мы двинулись в путь.

Огромное впечатление произвела на нас встреча в Петропавловске-на-Камчатке. Это была первая встреча на материке. Копусов и Колесниченко на катере поеха-

ли в город и вернулись с кипой газет и кучей новостей о событиях в СССР и об ожидающей нас встрече. Мы бросились за чтение газет и узнали, с каким вниманием следила за нами страна и как высоко оценили наше поведение и работу партия и правительство.

Рано утром товарищ Баевский собрал летучий митинг и зачитал правительственное постановление о нашем награждении. Многие от радости, волнения или «болезненности глаз» прослезились. Все просили передать правительству глубокую признательность, заверяя, что постараются окупить столь высокую награду и отдать все силы и знания на пользу дорогой родины.

Мы снялись с якоря и пошли к причалу. Навстречу выехали катера, моторки с правительственной комиссией и оркестрами музыки. В воздухе появились самолеты. Наш «Смоленск» пришвартовался под звуки «Интернационала».

Летчики и челюскинцы направились на площадь. От места нашего причала до самой площади шпалерами был выстроен почетный караул. Под несмолкаемые «ура» прошли мы к трибуне, и, когда появилась организованная колонна челюскинцев, взрыв аплодисментов и крики «ура» вновь разнеслись по всей площади.

Открылся митинг. Нам, челюскинцам, отвыкшим от такого скопления народа, было трудно сдержать волнение. Волновались и встречающие. С подъемом были произнесены речи, посвященные нашему прибытию. Помню, я выступил с большим трудом и волнением. Слова как-то не поспевали за мыслями, не находилось подходящих слов, чтобы выразить то сильное чувство благодарности правительству и партии и встречавшим за внимание, которое нам оказывалось.

Из Петропавловска мы вышли во Владивосток. На этом перегоне число коечных больных резко сократилось. Очевидно, морской воздух, питание и уход благоприятно сказались на здоровьи товарищей.

Незабываемую картину представлял собой Владивосток. За несколько десятков миль к нам вышли навстречу пароходы и ледокол «Добрыня Никитич», имев-

шие на борту делегации лучших ударников города и области. Пароходы непрерывно приветствовали «Смоленск» гудками и музыкой. Взвились эскадрильи самолетов. Они буквально засыпали нас цветами. У меня на митинге вырвалось восхищение меткостью их попадания, и я выразил уверенность, что в случае нападения на нас эти самолеты с неменьшим успехом засыплют врага полновесными бомбами!

При подходе к порту все находившиеся там пароходы стали салютовать гудками. К ним присоединился рев гудков многочисленных заводов и фабрик. Гул перекрывался артиллерийским салютом.

Весь город имел парадный, праздничный вид. Не только пристань и ближайшие улицы были заполнены встречающими, но и все прилегающие сопки были буквально усеяны народом.

Специальный экспресс везет нас в Москву... Больше 170 остановок и встреч было на долгом пути между Владивостоком и Москвой.

Описать все эти встречи невозможно. Каждая из них имела что-то свое, особенное, отличающее ее от других. Но объединяло их одно: товарищеское, теплое чувство и любовь.

Интересно было наблюдать за нашим коллективом, как он рос и воспитывался на этих встречах. Каждая из них давала нашему коллективу зарядку, усиливала волю к борьбе.

Москва... Здесь была встреча, какую нельзя было даже при большой фантазии заранее себе нарисовать. Задолго до города стоял народ и забрасывал поезд цветами.

Москва... На вокзале—правительственная комиссия. Разукрашенные улицы. Опять цветы, цветы и цветы. Декорированные автомобили. Масса людей...

Красная площадь... Приветствие членов правительства во главе с товарищем Сталиным. Парад. Демонстрация. Все это врезалось в память челюскинцев так же крепко, как день гибели нашего корабля.

★★★

СОДЕРЖАНИЕ

Отв. за выпуск А. Шифман

Оформление переплета и текста Я. Фидэль

Корректор С. Локшина

Сдано в производство 9/XI 1935 г. Подпис. к печати 17/I 1936 г. МГ-106. Инд. Ю-3 Формат бумаги $72 \times 105^{1}/_{32}$. $2^{1}/_{2}$ п. л. 3,3 учет. авт. л. Уполн. Главл. Б 16524. Зак. 2252. Тираж 40000

5-я типография Трансжелдориздата. Москва.

Цена 60 коп.

ЦЕНА 30 КОП